

Глава четвертая. Вождь анархистов

Петр Кропоткин крепко держался рукой за знамя. Одновременно приходилось свободной рукой и ногами лупить жандармов, они отвечали ему тем же... Полиция пыталась отбить у демонстрантов красное знамя анархистского Интернационала – организации, запрещенной во многих странах Европы. Швейцарские рабочие-анархисты, русские и французские политэмигранты вместе дрались с местной полицией. Это было 18 марта 1877 года, на улицах Берна, столицы Швейцарской конфедерации. Швейцария не очень привыкла к таким событиям, хотя и пережила несколько десятилетий назад кратковременную гражданскую войну между католическими и протестантскими регионами, по итогам которой окончательно сложилась ее политическая система.

Так далеко от России, зато вместе с теми, к кому лежала душа, – единомышленниками и товарищами по борьбе... С ними и смерть красна! А бой разгорался не на шутку. Жандармы орудовали саблями, демонстранты – кастетами, палками и тростями. Кто-то уже отобрал саблю у жандарма, кое-кто притащил револьверы.

Полицейский инспектор, изрядно получив по зубам, выпустил знамя из рук и удалился, чтобы привести себя в порядок. Несколько демонстрантов и полицейских были ранены. Но вот древко знамени, уже сильно изодранного, сломалось, полиция все-таки отбила его. И отступали со столь ценным трофеем до полицейского участка, отбиваясь от демонстрантов, азартно пытавшихся вернуть свой боевой стяг...

А потом тех, кто ранил полицейских, судили. И этот суд послужил уроком, о котором Кропоткин напишет в «Записках революционера»: «Вместо равнодушных людей мы увидели внимательную публику, отчасти сочувствовавшую нам. Ничто так не завоевывает народ, как смелость. Многие поняли, что все вольности нужно упорно защищать, чтобы их не отняли. Приговор поэтому был сравнительно мягкий и не превосходил трехмесячного заключения»[632]. Для него это был урок пропаганды действием.

* * *

Вернуться домой и продолжать революционную борьбу – таковы были намерения Кропоткина, когда он сошел с парохода в британском порту Халл в начале августа 1876 года. Только бы его не обнаружили царские агенты, которые уже пустились по следам беглеца, обшаривая европейские страны. Главной задачей было укрыться и выждать благоприятного момента для возвращения. Стремясь затеряться, Петр Алексеевич под именем Алексея Левашова направился в столицу Шотландии Эдинбург, где снял маленькую

комнату в предместье. О своем приезде в Британию он сообщил лишь нескольким друзьям в России и товарищам из Юрской федерации в Швейцарии. Письмо Гильому он отправил прямо из Халла.

Кропоткин свободно читал по-английски: ведь он выучил этот язык по книгам. Писал он также вполне понятно, хотя обороты речи и стиль выдавали в нем иностранца. А вот говорить по-английски в тот момент ему было еще трудно, тем более с учетом особенностей шотландского произношения жителей Эдинбурга. В своих воспоминаниях Петр Алексеевич сетовал на то, что квартирная хозяйка плохо понимала его, что вызвало немало житейских курьезов[633].

Деньги, привезенные из России, быстро подходили к концу, получать денежные переводы с родины не было никакой возможности. Чтобы заработать на жизнь, беглый революционер вспомнил о своей основной, «мирской» профессии географа. Еще на пароходе, по дороге в Британию, Кропоткин разговорился с норвежским профессором, который рассказал ему о последних экспедициях Норденшельда. В Эдинбурге Петр Алексеевич написал об этом путешествии заметку и отправил ее в лондонский географический и естественно-научный журнал Nature («Природа»). Выписав «Известия Русского географического общества», Кропоткин стал на основе опубликованных там материалов посылать заметки о русских географических экспедициях в крупнейшую лондонскую газету The Times.

Через какое-то время, как утверждают некоторые исследователи, конспиративными путями за границу стали поступать доставшиеся Кропоткину доходы от сдаваемой в аренду земли в Петровском. Пирумова приводит такой факт: в 1881 году тамбовский губернатор барон А. А. Фредерикс, посетивший это село, установил, что крестьяне передавали годовую арендную плату (1889 рублей) свояченице Александра Кропоткина – Александре Севастьяновне Павлиновой. Она же пересылала деньги за границу. Правда, остается невыясненным, с какого именно года она начала высылать деньги брату своего зятя и насколько часто. Связь с родственниками не могла быть установлена сразу по приезде в Англию. Да и будучи установленной, могла поддерживаться лишь весьма конспиративно. Но как бы там ни было, такая схема могла действовать только до 1881 года, когда власти обнаружили ситуацию с переправкой денег политэмигранту Кропоткину и перекрыли источник финансирования. Разумеется, государство решило наложить свою загребущую лапу на наследство Кропоткиных. С тех пор долю Петра Алексеевича стали забирать в казну Российской империи[634]. В июне 1881 года Петр Кропоткин писал Лаврову: «Так как теперь абсолютно ничего не имею из дома и живу исключительно литературным трудом, то мне чрезвычайно важно получать гонорар сейчас же за напечатанные статьи»[635]. В 1882 году Департамент полиции столь же заботливо навел справки о том, кто является владельцем имения Никольское в Калужской губернии[636]. Впрочем, имение это принадлежало младшей сестре Петра, Пелагее Алексеевне. Никакой материальной помощи брату она не оказывала, и повода изъять его доходы в казну не было.

* * *

Вскоре выяснилось, что делать в Эдинбурге особенно нечего. Друзей там было немного, а жизнь казалась «одинокой и монотонной»[637]. В сентябре 1876 года Петр Алексеевич перебирается в Лондон, где снимает жилье в доме № 3 на Грейт-Перси-стрит в Ислингтоне. Он все еще по-прежнему собирается в ближайшем будущем возвратиться в Россию и потому сохраняет анонимность[638].

Необходимость скрываться от слежки, разумеется, ограничивала возможность для контактов с русской революционной эмиграцией в Лондоне. В британской столице действовал кружок сторонников Петра Лаврова, оформившийся в августе 1876 года в «Общество изданий "Вперед!"». В этой группе, помимо самого Петра Лавровича, состояли Лазарь Борисович Гольденберг (1846–1916), Александр Логгинович Линев (1843–1918), Николай Григорьевич Кулябко-Корецкий (1846–1931), Яков Васильевич Воцакин и ряд других. Но Кропоткин не спешил связываться с лавристами. Помимо опасения быть выслеженным царскими шпионами, его сдерживало и скептическое отношение к деятельности и взглядам этого течения. Этот скептицизм возник у него еще в петербургском кружке[639]. Не понравился ему и некролог о Бакуanine, опубликованный в издании «Вперед!».

Положение изменил случай. В сентябре Кропоткин прочел в № 40 «Вперед!» объявление о том, что в редакции имеются «письма на имя Друга А», и предположил, что речь может идти о нем. Он отправил короткую записку Лаврову с объяснением, что не хочет заходить лично, потому что опасается слежки, и просит переслать письма по адресу его лондонской квартиры[640]. Однако позднее Петр Алексеевич все же решил прийти в редакцию и по-английски попросить о встрече с Лавровым. Он надеялся, что его, бритого и надевшего цилиндр, не узнают, однако женщина, знавшая в Швейцарии его брата Александра, сразу поняла, кто это. «Скоро я подружился как с П. Л. Лавровым, так и с молодежью, набравшею журнал», – вспоминал Кропоткин[641]. По свидетельству Гольденберга, Петр Алексеевич стал частым посетителем лавровской «коммуны», как называли себя члены кружка[642].

Но не менее, а пожалуй, куда более важными на будущее оказались другие лондонские знакомства Кропоткина. Зарабатывая на жизнь статьями для газеты The Times и журнала Nature, он решил зайти в лондонскую редакцию последнего, где его, представившегося Левашовым, принял помощник редактора географ Джон Скотт Келти (1840–1927). Они договорились, что в редакции русскому автору отведут специальный стол, на котором будут складывать научные журналы на разных языках. «Господин Левашов» должен был каждый понедельник забирать их домой, просматривать и на основе этих материалов писать заметки или статьи. Кропоткину приходилось самому переделывать их по несколько раз, совершенствуя свой английский. Иногда, когда писать было не о чем, приходилось жить на хлебе и чае. Первоначально Келти не знал, кто такой этот «Левашов». Он читал о Кропоткине и его побеге в прессе, но не мог и представить себе, что видит его воочию. Но однажды Петру Алексеевичу пришлось признаться, что именно он – автор работ о ледниковом периоде и орографии Азии, которые заинтересовали британского редактора, тот самый Кропоткин[643].

Между русским революционером и либеральным британским редактором установилась глубокая личная дружба. На протяжении четырех десятилетий их связывали научная

симпатия и плодотворное сотрудничество. В последующем Келти привлекал Петра Алексеевича к участию во многих из своих проектов: географическом справочнике Gazetteer, ежегоднике газеты The Statesmen, журнале Geographical Journal, изданиях Британской энциклопедии. Шотландец Келти сочувствовал борьбе русских против самодержавия и неоднократно помогал Кропоткину. Он выступал даже фактически в роли литературного агента Петра Алексеевича в Великобритании[644].

* * *

Британская энциклопедия – научно-справочное издание, и по сей день являющееся одной из наиболее авторитетных научных энциклопедий мира. «Признанием научных заслуг русского ученого явилось предложение Британской энциклопедии на свою ответственность взять всю „россику“. В течение почти полувека западноевропейская научная общественность черпала сведения о России из энциклопедических статей, вышедших из-под пера П. А. Кропоткина»[645], – пишет Е. В. Старостин.

В девятом издании этой научной «Википедии» прошлого и позапрошлого веков перу Кропоткина принадлежат двадцать одна статья о территориях Российской империи и статья о Шпицбергене, вышедшие в 1883–1888 годах. В десятом издании (1902) – уже шестьдесят одна статья, а в одиннадцатом издании (1910–1911) – девяносто одна (некоторые в соавторстве). Из его статей читатель мог узнать о реках России, горных системах, морях, озерах, российских городах. Писал Кропоткин и о регионах Российской империи, причем не только в части географии и статистики, но и о политической ситуации, как это было с Польшей и Финляндией. Ему же принадлежат статьи о казаках и калмыках. Кроме того, авторству Кропоткина принадлежат статьи о Восточной Болгарии, Монголии. И наконец, кому как не Петру Алексеевичу можно было доверить статью об анархизме, которая и была опубликована в десятом и одиннадцатом изданиях Британской энциклопедии[646].

Да и по отношению к русским коллегам по географической науке эмигрант Кропоткин сохранил самые теплые чувства, был готов помочь. Так, в 1895 году он рекомендовал Келти отправить читинским географам издания Лондонского географического общества. «Они, конечно, будут рады любой литературе, и я, знающий на деле, как мало научных книг в Сибири, горячо рекомендую их вашему вниманию»...[647]

* * *

Находясь в Лондоне, Кропоткин продолжал переписываться с Гильомом. В сентябре он прислал в «Бюллетень Юрской федерации» заметку о сербско-турецкой войне (1876–1877). С учетом жестокостей, которые совершали войска Османской империи в отношении славянского населения, Петр Алексеевич выразил понимание выбору Клеменца, Сажина и Степняка-Кравчинского отправиться на помощь сербам. Но одновременно он напоминал о том, что возмущение этими жестокостями используется британскими политическими лидерами в своих целях[648].

Вопрос об отношении к войнам и восстаниям очень интересовал активистов Интернационала, и по этому поводу велись острые споры. Еще до своего раскола на федералистскую и марксистскую фракции МАТ на конгрессе в Брюсселе в 1868 году приняла резолюцию, в которой провозглашалось, что причиной войн служат существующее общественное устройство и централизация политической власти. Страдают же от военных конфликтов почти исключительно трудящиеся классы. Интернационал рекомендовал своим секциям в случае начала войны организовать всеобщую забастовку[649].

Но существовали и представления о «справедливых», «прогрессивных» и «освободительных» войнах. Это сразу же сказалось во время Франко-прусской войны 1870–1871 годов, когда марксисты сочли победу Пруссии над Францией «прогрессивной», а бакунисты, напротив, после падения режима Наполеона III призывали к защите республиканской Франции. Но уже в 1875 году Бакунин пытался отговорить итальянского анархиста Эррико Малатесту (1853–1932) от участия в Герцеговинском восстании против власти Османской империи. Он объяснял итальянскому другу, что присоединяться к подобным действиям – все равно что принимать меры в пользу чернокожих рабов на другом конце света, не обращая внимания на нищих у себя дома, как это делало британское правительство, объявляя о борьбе с работорговлей. Сражаться за справедливость следует в первую очередь там, где живешь, подчеркивал старый анархист[650].

На Бернском конгрессе федералистского Интернационала в октябре 1876 года несколько анархистов – швейцарцы Шарль Перрон (1837–1909) и Гильом, итальянец Карло Кафиеро (1846–1892), француз Элизе Реклю (1830–1905) и русский эмигрант Николай Жуковский – впервые представили манифест, в котором высказались и против Турции, и против заступившейся за сербов России. Они отказались считать войну между государствами освободительной. По словам историка анархизма Макса Неттлау, это было «первое и памятное воздержание анархистов во время большой войны». Кропоткин тогда «такой позиции еще не занял»[651].

Через Гильома Петр Алексеевич познакомился и сдружился с эмигрантом из Франции Полем Робеном (1837–1912). Участник Первого Интернационала и друг Бакунина, Робен принимал участие в организации секций Интернационала в Бельгии, в революционном движении в Швейцарии и во Франции, где был арестован в 1870 году. После освобождения он жил в лондонском районе Вульвич и зарабатывал на жизнь уроками и преподаванием французского языка в военной академии. Сторонники Маркса объявили о его изгнании из Интернационала за приверженность идеям Бакунина. В ответ Робен установил контакты с федералистским Интернационалом. В 1879 году он возвратится во Францию и возглавит школу для сирот Кемпюи, которая станет одним из примеров свободного анархистского образования. Робен оказал большое влияние на Кропоткина. Они живо обсуждали все, что произошло в Европе и конкретно в социалистическом движении после раскола Интернационала. Эти беседы убедили русского анархиста, что в Британии ему нечего делать и стоит попытаться развернуть работу на континенте[652]. Как писал позднее сам Кропоткин, ему «хотелось более живой деятельности, чем журнальная и литературная работа. С первых же дней я пробовал завязать знакомство с рабочими, и я начал с ними беседы по вопросам социализма. Но тогда (1876) английские рабочие о социализме и слышать не хотели. Дальше тред-юнионизма и кооперации они не шли. Не знаю, что я стал

бы делать в Лондоне дальше, если бы мои швейцарские друзья вскоре не нашли мне постоянной работы в Швейцарии»[653].

* * *

В первый раз Петр Алексеевич отправился из Лондона на континент ненадолго, в ноябре 1876-го[654]. Гильом пригласил Кропоткина приехать, чтобы обсудить с ним весьма деликатное дело, которое вовлекало эмигранта из России в водоворот дел Интернационала. Для того чтобы понять, что именно и как произошло в тот раз, нам необходимо отвлечься и рассказать о том, чем жил и занимался федералистский Интернационал в 1876 году.

Это был год, во многом решающий для международного рабочего движения.

13 июля на конференции в Филадельфии при участии делегатов от секций из Северной Америки и Германии (полномочия из Швейцарии были присланы позднее) было принято решение о роспуске марксистского Интернационала. «Таково последнее слово централистического Интернационала, – констатировал лавровский "Вперед!". – Когда борьба партий началась в 1871 году, то едва ли кто-нибудь, взвешивая умственные и нравственные силы обеих партий, мог предположить, что в этой борьбе сойдет прежде всего со сцены партия представителей централизма»[655]. Ценное признание, пусть даже принижение «умственных и нравственных сил» противников марксизма следует оставить на совести лавристов.

Но и в федералистском Интернационале, чьи секции удерживались вместе неприятием марксистского централизма, нарастали неизбежные разногласия. Это со всей очевидностью проявилось на его Бернском конгрессе 26–29 октября 1876 года – первом после смерти Бакунина, скончавшегося в столице Швейцарии 1 июля. Делегатам из Бельгии, Испании, Нидерландов, Италии, от Юрской федерации и – косвенно – от Франции предстояло решить, что делать дальше в обстановке нараставших репрессий против рабочего движения. Секции в отдельных странах развивались крайне неравномерно. Еще недавно мощная Испанская региональная федерация, верная анархистской линии в духе Бакунина, ориентированная на создание рабочих союзов, съживалась под ударами репрессий правительства. Число ее местных секций в 1876 году сократилось до ста двенадцати по сравнению с тремястами двадцатью в 1874-м[656]. Юрская федерация в Швейцарии объединяла несколько сотен активистов, включая французских эмигрантов. Впрочем, для страны с населением в два миллиона восемьсот тысяч это было не так уж мало! Федерация оставалась анархистской, но среди ее членов появились и реформисты. Бывший парижский коммунары и бакунист Бенуа Малон отказался от прежних революционных взглядов, выступил против насильственного, радикального свержения государства, за постепенные преобразования под давлением борьбы рабочих. Он утверждал, что можно превратить государство в чисто административный орган, который установит социальное равенство. В апреле 1876 года Малон созвал в Лугано социалистический конгресс, на который собрались его сторонники из Италии и Швейцарии[657].

Бельгийские интернационалисты во главе с Де Папом не принимали анархизма и считали, что настало время для реорганизации мирового рабочего движения и примирения фракций. После краха марксистского Интернационала они уже не боялись его централизма. Большинство бельгийских организаций «признали необходимость политической агитации, не забывая того, что эта агитация не должна быть для них конечной целью», но лишь «одним из многочисленных средств для ускорения наступления экономической и социальной эмансипации пролетариата». Вместо прежней линии на подготовку к революционному восстанию товарищи Де Папа взяли курс на создание и укрепление легальных профсоюзов, на ведение борьбы за улучшение условий труда и повышение зарплаты при одновременной идейно-пропагандистской и политической работе. Они надеялись, что это позволит подготовиться к революции в будущем[658].

В отличие от Юрской федерации, бельгийцы считали, что после революции и свержения старого государства нужно будет учредить новое, с измененными функциями. Таким новым государством, по их представлению, должен был бы стать «рабочий парламент» как федерация рабочих союзов, которые надо организовывать и расширять уже сейчас[659]. Лидер бельгийских социалистов объявил далее, что Интернационала фактически больше нет и необходимо создать международную организацию заново, созвав социалистический конгресс, на который пригласить и марксистов. Бернский конгресс принял это предложение и постановил созвать такой конгресс в 1877 году в Бельгии, в городе Генте[660].

Делегаты быстро растущей и активной Итальянской федерации Эррико Малатеста и Карло Кафиеро провозгласили на Бернском конгрессе противоположную линию. Оба они, близкие друзья Бакунина, придерживались курса на революционное восстание. Выходцы из семей богатых землевладельцев, они еще в юности пришли в социалистическое движение. В «Записках революционера» Кропоткин дает яркие портреты итальянских революционеров: «Кафиеро – возвышенный и чистый идеалист, отдавший все свое состояние общему делу и никогда не задававшийся вопросом, чем он будет жить потом; мыслитель, вечно погруженный в философские соображения...» «Малатеста – бывший студент медицины, отказавшийся от ученой профессии и от состояния ради революции: чистый идеалист, полный жара и ума. За всю свою жизнь он никогда не думал о том, будет ли у него кусок хлеба на обед и место, где переночевать сегодня... Малатесту всегда можно найти там, где борьба кипит особенно жарко: все равно – на родине или вне ее... Вечно он готов начать сызнова борьбу: постоянно он поражает тою же любовью к человечеству и тем же отсутствием ненависти к своим противникам и тюремщикам; всегда у него готовы сердечная улыбка для друзей и ласка для ребенка»[661].

На Бернском конгрессе Малатеста отстаивал непримиримо анархистскую позицию в отношении государства: для него это был паразитический нарост на теле общества, орган угнетения и эксплуатации, стремящийся любой ценой сохранить себя и свои привилегии. Поэтому, настаивал он, необходимо не только разрушить существующее государство, но и категорически не допустить образования нового, пусть даже временного или переходного. При этом Малатеста утверждал, что точно предвидеть, как будет выглядеть новое свободное общество, невозможно. Однако в его основе должны лежать иные принципы[662].

О том, каковы эти принципы, Итальянская федерация объявила на своем конгрессе во Флоренции в октябре того же года: это были принципы анархистского коммунизма. Прежде преобладающей идеей, которая разделялась большинством анархистов-бакунистов, был так называемый коллективизм. В соответствии с этой идеей в ходе революции земля, фабрики, заводы, рудники, шахты, другие средства производства, средства сообщения и обмена обращались в коллективную собственность всего безгосударственного общества в целом. При этом они передавались в пользование и под управление тем, кто на них или с ними работал, то есть союзам работников. Эти объединения должны были затем сами, снизу, на основе федерации, свободно и планомерно согласовывать свои действия, обмениваясь и сотрудничая между собой в общих интересах. Таким образом, производство социализировалось (обобществлялось).

«Юрцы» считали, что произведенные общественные блага, изделия промышленности и сельского хозяйства должны были распределяться в союзах на основе личного трудового вклада каждого из их членов. Это был принцип «каждому – продукт его труда», «каждому по его делам». Возникавшее отсюда неравенство между отдельными союзами и отдельными их членами предполагалось периодически выравнять. Впоследствии, когда произойдет общий рост производства, коллективисты считали возможным переход к свободному потреблению и удовлетворению нужд каждого человека, независимо от его вклада в общий труд – по принципу «каждый по своим способностям, каждому по его потребностям». Такая модель экономики нашла свое отражение в широко известной в федералистском Интернационале брошюре Гильома «Идеи о социальной организации», изданной в 1876 году[663].

Однако уже к 1869 году среди части французских анархистов сформировалась мысль о том, что в безгосударственном обществе «все должно принадлежать всем», производиться и использоваться сообща, свободно. При таком устройстве все члены общества имели бы свободный и равный доступ к средствам производства, к произведенным изделиям и продуктам, независимо от его личного трудового вклада. Каждый трудится в соответствии со своими возможностями и имеет такое же, как и все остальные, право на удовлетворение своих потребностей.

Идея обсуждалась и вызрела в секции французских эмигрантов-коммунаров в Женеве, группе «L'Avenir» («Будущее»), к которой принадлежали уроженец Савойи и лионский коммунары, слесарь-водопроводчик Франсуа Дюмартре (1842–1931); бывший член Центрального комитета Национальной гвардии Парижской коммуны, портной Эдуард (Франк) Андинью (1844–1883); бывший член Парижской коммуны, токарь Франсуа (Шарль) Остен (1823–1912) и механик Антуан Перрар (1841–1912). Кропоткин вспоминал о Дюмартре, выходеце из бедной крестьянской семьи, которому удалось учиться лишь в начальной школе, как об одном «из самых умных и сметливых людей», которых он когда-либо встречал в жизни. «Его оценки людей и текущих событий были так замечательны по своему здравому смыслу, что порой оказывались пророческими. Дюмартре был также очень тонкий критик текущей социалистической литературы, и его никогда нельзя было ослепить фейерверками красивых слов и якобы науки»[664]. В начале 1876 года он выпустил брошюру «К работникам физического труда, сторонникам политического действия», в которой сообщил о намерении опубликовать книжку об «анархистском коммунизме». Как утверждает историк

анархизма Неттлау, таково было первое употребление этого выражения[665].

18 марта того же года, на крупном международном собрании в Лозанне, посвященном годовщине Парижской коммуны, с речью об анархистском коммунизме выступил член Юрской федерации Элизе Реклю[666]. О дружбе между этим великим географом и Кропоткиным мы еще неоднократно упомянем на страницах этой книги.

Но вернемся к итальянским анархистам. Итальянская федерация Интернационала оказалась первой, которая официально приняла принцип и цель анархистского коммунизма в 1876 году. Основным аргументом в его пользу, который затем повторялся неоднократно, была мысль о том, что при современном производстве, с участием множества людей и при наличии длинных производственных циклов, практически невозможно определить личный вклад каждого отдельного участника трудового процесса. Что касается путей и средств достижения цели, то есть совершения социальной революции, то делегаты из Италии на конгрессе в Берне высказались вполне определенно: подготовить этот великий переворот можно лишь путем своеобразной «революционной гимнастики» – серии восстаний, в ходе которых трудовой народ сможет, пусть даже на короткое время, приобрести опыт самоорганизации и свободной самоуправяемой жизни. Итальянские анархисты называли это «пропагандой действием». В заявлении, распространенном после конгресса, итальянские представители подчеркивали: «Итальянская федерация полагает, что повстанческое дело, призванное провозгласить социалистические принципы посредством действия, является наиболее эффективным средством пропаганды и единственным, которое, не обманывая и не коррумпируя массы, может проникнуть в самые глубокие слои общества и подвигнуть живые силы человечества на борьбу, поддержанную Интернационалом»[667].

По окончании Бернского конгресса Малатеста и Кафиеро задержались в Швейцарии, чтобы собрать средства, необходимые для закупки оружия и организации восстаний в Италии. Они попытались найти там работу в качестве строителей, чтобы заработать побольше денег, но им это не удалось. Кафиеро удалось получить пять-шесть тысяч франков, распродав свое наследство. На помощь пришла русская бакунистка Надежда Смецкая, знакомая Софьи Лавровой и Кропоткина. Она передала итальянским революционерам четыре тысячи франков. Дочь генерала, Смецкая надеялась раздобыть еще большую сумму с помощью фиктивного брака, который позволил бы ей получить приданое от ее богатой семьи. Этих денег должно было хватить, как она надеялась, и на подготовку восстания, и на другие революционные дела, и на организацию побега ее любимого из заключения в России. Для обсуждения этого проекта Гильом и пригласил Кропоткина приехать в Швейцарию, прислав ему денег на поездку.

* * *

Приехав в альпийскую республику, Петр Алексеевич познакомился с итальянскими товарищами, и Смецкая предложила ему фиктивно жениться на ней. Первоначально Кропоткин, хотя и с неохотой, почти согласился, но затем Гильом переубедил его. Несмотря на настойчивые уговоры Малатесты и Кафиеро, Кропоткин вернулся в Лондон. Проект с

фиктивным браком пришлось оставить[668]. Впоследствии он отзывался об этой истории с юмором. Смецкая же позднее возвратилась в Россию, пыталась взбунтовать казаков Урала, была арестована и сослана в Иркутскую губернию, а затем – за попытку побега – в Якутию. Там она вышла замуж за ссыльного поляка Адама Шиманского...

Хотя первое знакомство Петра Алексеевича с Малатестой оказалось скорее неудачным, впоследствии обоим революционерам суждено было подружиться, хотя по многим вопросам анархистской доктрины они не сходились и часто ожесточенно спорили. Но это никак не мешало их товарищеским и уважительным отношениям. Кропоткин всегда был готов прийти на помощь другу. Малатеста навсегда запомнил, как в начале 1879 года в Женеве Петр Алексеевич помог ему и другим революционерам, высланным из Италии, как он опекал его в Лондоне, когда итальянский анархист ночью стал жертвой несчастного случая и вынужден был постучаться в двери дома Кропоткина: «...я вспоминаю тысячи случаев, когда он проявлял свое добросердечие по отношению ко всем, и я вспоминаю атмосферу добросердечности, которой все дышали вблизи него»[669].

В декабре 1876 года Малатеста и Кафиеро возвратились в Италию и организовали в Неаполе штаб по подготовке восстания. К активистам со всей страны присоединился и Степняк-Кравчинский, на чьи военные знания и опыт, как бывшего офицера, возлагались большие надежды. Партизанское движение намеревались организовать на юге страны, стремясь привлечь бедных крестьян, недовольных засильем помещиков и королевской власти. Однако правительство узнало о планах восстания; начались аресты. Лишь небольшой группе из двадцать шесть человек удалось поднять восстание в горах Матезе. Под развевающимися красно-черными знаменами 8 апреля 1877 года отряд вступил в селение Летино в Кампании, занял здание муниципалитета. На глазах жителей, собравшихся на центральной площади, были сожжены архивы, содержавшие документы о правах собственности, и документы о поземельном налоге. Повстанцы разорвали портрет короля, а выступивший на митинге Малатеста разъяснял цели социальной революции. Затем было занято селение Галло. Однако власти бросили на подавление восстания крупные воинские силы – до двенадцати тысяч человек. Прорвать окружение анархисты не смогли и 12 апреля вынуждены были сдаться. Последовали репрессии и суды; движение Интернационала в Италии получило тяжелый удар.

Но вернемся к Кропоткину. В том же декабре 1876-го он снова был в Лондоне, но теперь уже ненадолго. В ситуации, когда в федералистском Интернационале усиливались разногласия, Юрская федерация решила направить в Бельгию своего активного члена, бывшего участника Парижской коммуны Поля Луи Брусса (1844–1912), для ведения агитации за анархизм. Гильом попросил Кропоткина отправиться туда заранее и «прозондировать там почву». В то же время Петра Алексеевича звали в Швейцарию, и в январе 1877 года он ожидал приезда товарищей из России для переговоров о возможном возвращении. В итоге возобладал «бельгийский» вариант. 23 января Кропоткин, наскоро дописав статью для Nature и письма, сердечно попрощался с Робеном и отплыл из Лондона в Остенде.

В Бельгии Петр Алексеевич отправился в Вервье, где существовало активное рабочее и социалистическое движение. Он надеялся противодействовать там пропаганде реформистов, которые выставляли в качестве модели мирную, законную деятельность

социалистической партии и британские профсоюзы (трэд-юнионы), занимающиеся только вопросами улучшения условий труда.

Агитация и вечера, проведенные в острых спорах, вдохнули жизнь в эмигранта. Он ощутил чувство свободы и силу, которых ему так не хватало в Лондоне. Кропоткин рассказывал рабочим о злоупотреблениях неповоротливой и коррумпированной профсоюзной бюрократии, о тщетности реформ. В письме Робену для Юрской федерации он советовал направить в Бельгию Брусса, чтобы сблизиться с местными сторонниками анархистов и взять в свои руки издание бельгийского печатного органа Интернационала. Сам же он полагал, что его дальнейшее пребывание в этой стране нецелесообразно: здесь следовало остаться надолго и работать систематически[670].

Позднее, уже уехав из Бельгии, он пришел к выводу, что извне, из Швейцарии, Юрская федерация вряд ли сможет повлиять на настроения бельгийских рабочих и способствовать развитию там анархистского течения[671]. Запланированный же приезд Брусса не состоялся: тот был занят попытками восстановить подпольную работу во Франции.

* * *

4 февраля 1876 года Кропоткин отправился в Женеву, где встретился с бывшим соратником по петербургскому кружку – Клеменцем, уехавшим из России в 1874-м вместе со Степняком-Кравчинским[672]. По словам последнего, Клеменц был одним «из самых сильных умов, бывших в рядах русской революционной партии», человеком с самыми широкими знаниями, но при этом индивидуалистом. Убежденный социалист, он «постоянно жил особняком» и «всегда держался в стороне от „программных“ раздоров, так часто разделявших революционные партии на непримиримо враждебные лагеря»[673].

Но теперь ему вместе с Кропоткиным предстояло окунуться в самую гущу внутренних раздоров в Юрской федерации, причины которых до сих пор не вполне ясны для исследователей. Известно, что оба они в Женеве встречались с революционными эмигрантами из России, прежде всего – с Жуковским и другим активным бакунистом Замфиром (Земфирием Константиновичем) Арборе-Ралли (1848–1933). Они обсуждали вопрос об издании новой русской революционной газеты. Кроме того, Клеменц предложил, чтобы Женевская группа Юрской федерации подготовила издание «Социалистического словаря», в котором они также могли бы принять участие.

В это время Кропоткин весьма пристально интересовался революционными событиями, происходившими на родине. Об этом свидетельствует известный революционер-народник Лев Григорьевич Дейч (1855–1941). Их знакомство состоялось на квартире Павла Борисовича Аксельрода (1850–1928) – одного из русских эмигрантов-бакунистов. «Среднего роста, лет 35 на вид, с большой светло-русой бородой, совершенно лысый, в очках, Кропоткин несколько не походил на революционера-анархиста. Он был чрезвычайно подвижен, говорил быстро и плавно и с первого раза производил очень благоприятное впечатление своей простотой, очевидной искренностью и добротой»[674], – вспоминал Дейч.

Зимой – летом 1877 года Дейч с Иваном Васильевичем Бохановским и Яковом Васильевичем Стефановичем, используя поддельные документы, якобы подписанные Александром II и гарантировавшие передел помещичьих земель в пользу крестьянства, сумели организовать среди крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии подпольную крестьянскую организацию «Тайная дружина». Ее участники обязались готовиться к запланированному на октябрь вооруженному восстанию с целью захвата помещичьей земли и ее перераспределения среди крестьян. В состав дружины вступили около тысячи крестьян. Но в июне заговор был раскрыт, а к началу сентября многие его участники были арестованы. Стефанович и двое его товарищей, однако, сумели еще до суда бежать из тюрьмы[675]. Единственный удачный пример создания народниками подпольной организации среди крестьян очень интересовал Кропоткина, расспрашивавшего о чигиринских событиях Дейча и Стефановича[676].

Дейч вспоминал, что в 1870-е годы русские революционеры-эмигранты часто собирались в женевских кафе для дискуссий, обмена новостями, помощи друг другу. Председателем на этих собраниях был Степняк-Кравчинский. Туда часто приходил и Кропоткин, ставший одним из самых популярных ораторов наряду с Жуковским и идеологом национального движения Украины профессором Михаилом Петровичем Драгомановым (1841–1895)[677].

Дело, однако, осложнялось. Гильом, с которым в первую очередь поддерживал связи Кропоткин, с большим подозрением смотрел на начинания женевского кружка, опасаясь, что задуманное им издание станет конкурентом «Бюллетеня Юрской федерации». Он утверждал затем, что женевцы пытались настроить Кропоткина против его группы, которая опиралась на активистов из Юрских гор. Петр Алексеевич, наоборот, пытался примирить обе «фракции»[678].

Как сам Кропоткин объяснял позднее в письме Родену, «южане» были представлены группами в Женеве, Лозанне и Веве и были мало связаны с реальным рабочим движением. Наиболее видными лицами здесь были Жуковский, Арборе-Ралли, и французские эмигранты-коммунары Элизе Реклю, Перрон, Гюстав Лефрансе, Родольф Кан (1851–?) и Шарль-Фердинанд Гамбон (1820–1887). Петра Алексеевича смущало то, что в этой группировке состояли не только убежденные анархисты, но и деятели, проявившие склонность к другим направлениям социализма, как, например, бывший бланкист Гамбон или подозревавшийся в симпатиях к Де Папу Лефрансе[679].

С другой стороны, «северяне» Юрской федерации группировались в Невшателе, Сеньт-Имье, Шо-де-Фоне и Берне. Кропоткин считал их партией «чистой анархии, агитации в рабочей среде и действия»[680]. Из Женевы он вместе с Клеменцем направился в самое сердце Юры. Но по дороге они заехали в Веве, где Петр Алексеевич впервые лично познакомился с Элизе Реклю.

Реклю был не только активным анархистом, который пришел к безвластническим взглядам еще до знакомства с Бакуниным, другом и соратником по Интернациональному братству, Лиге мира и свободы и Первому Интернационалу, но и виднейшим географом своего времени, автором и составителем таких работ, как «Земля» (в 2 томах), «История ручья», «Земные явления» (в 2 томах), «История горы», «Новая универсальная география» (в 19

томах) и «Земля и люди» (в 6 томах). География, в представлении Реклю, была своего рода комплексной, целостной наукой о человеке, окружающей его среде, обществе, образе жизни, истории и нравах. Реклю по справедливости считают одним из «отцов» социальной экологии.

Такой подход к географии был близок и Кропоткину. Впоследствии оказалось, что и представления обоих теоретиков об анархистском обществе, пути к нему, о роли эволюции и революции в истории, о пагубности существующей индустриально-капиталистической цивилизации с ее гигантскими отчуждающими фабриками и загрязненными, обезличенными городами тоже сходятся и, по всей видимости, здесь можно говорить о сильном влиянии Реклю на Кропоткина[681].

Элизе Реклю оказал Петру Алексеевичу неоценимую помощь, которая дала тому возможность остаться в Швейцарии и зарабатывать себе на жизнь. Реклю представил Кропоткина местному Географическому обществу, что дало возможность собирать материалы и заниматься научной работой. Это было весьма своевременно. Лев Дейч вспоминал, что в это время Кропоткин жил «довольно скромно, занимая от хозяйки одну меблированную комнату (он был тогда холостым человеком), столовался в той же дешевой кухмистерской, как и другие несемейные эмигранты, и одевался не лучше, "если не хуже", любого европейского рабочего»[682]. При этом свободного времени, необходимого для постоянной работы ради стабильного заработка, у него практически не было: он был весь поглощен работой ради анархистского движения. Лишь гонорары за переводы и научные публикации давали возможность раздобыть деньги на жизнь: «Кропоткин всегда был завален работой: писал для разных ученых органов, переводил для наших ежемесячных журналов с иностранных языков, которых знал множество; но более всего времени отнимали у него, кроме издаваемого им французского листка, частые выступления на анархических собраниях»[683].

Да и труд по изданию анархистской литературы занимал невероятно много времени. Позднее, в декабре 1878 года Петр Алексеевич писал: «Бывают дни, что я ухожу с утра и возвращаюсь только к двум часам ночи. И сегодня – так. Теперь уже, верно, третий час ночи... а я только что вернулся»[684].

Реклю Кропоткину понравился. Можно даже сказать, что эти два ученых и анархиста нашли друг друга как товарищи и единомышленники. «Великий географ Элизе Реклю, типичный пуританин в своих манерах и в жизни, а с интеллектуальной точки зрения – французский философ-энциклопедист XVIII века; вдохновитель других, который никогда не управлял и никогда не будет управлять никем; анархист, у которого анархизм является выводом из широкого и основательного изучения форм жизни человечества во всех климатах и на всех ступенях цивилизации, чьи книги считаются в числе лучших произведений XIX века и чей стиль поражает красотой и волнует ум и совесть», – в таких словах отзывался Кропоткин о друге в своих «Записках революционера»[685].

* * *

11 февраля Кропоткин и Клеменц в Невшателе. Они застают усталого от бешеной агитации Гильома и знакомятся с возвратившимся из Франции Бруссом, который рассказал о подъеме движения в этой стране. Этот «молодой доктор, необыкновенно живого ума, шумный, едкий и живой, готовый развить любую идею с геометрической последовательностью до крайних ее пределов», позднее перешел в ряды реформистских социалистов. Но в те годы он был еще самым убежденным анархистом, чья «критика государства и государственных учреждений отличалась особой едкостью и силой»[686]. Наконец 16 февраля оба русских революционера прибыли в Шо-де-Фон – центр часового производства в Юрских горах.

Сам город Кропоткину показался неуютным. Шо-де-Фон «лежит на высоком плоскогорье, совершенно лишенном растительности, и открыт для пронизывающего ветра, дующего здесь зимой. Снег здесь выпадает такой же глубокий, как в Москве, а тает и падает он снова так же часто, как в Петербурге». Сразу же по приезде эмигрант с головой окунулся в революционную работу: это была жизнь регулярных сходов и собраний, распространения афиш и плакатов, еженедельных заседаний секций с обсуждением самых разных вопросов и пропаганды анархизма на собраниях политических противников[687].

Группа Юрской федерации в Шо-де-Фоне была небольшой: на ее заседания ходили восемь – десять человек. Наиболее активными членами были местный часовщик Огюст Шпихигер (1842–1919), «философ, медлителен в движениях и в мысли», который всегда «стремился добраться до самого корня» и поражал «верностью своих выводов»[688]; француз Луи Пэнди (1840–1917), столяр, организатор рабочих ассоциаций и забастовок в период Второй империи Наполеона III, член Парижской коммуны и комендант парижской ратуши, чудом спасшийся после разгрома Коммуны и работавший в Швейцарии пробирщиком; парижский коммунары Ипполит Ферре (1848–1913). Был среди них и Северино Альбаррасин (1850–1878), член Испанской федерации Интернационала и один из вожakov революционного восстания в испанском Алькое в 1873 году. Это выступление стало «вершиной» так называемой кантональной революции в Испании 1873–1874 годов, подобно тому как Парижская коммуна была пиком «коммунальной революции» 1870–1871 годов во Франции. И здесь, и там города и районы (французские «коммуны» и испанские «кантоны») восставали против центральной власти и провозглашали собственную автономию и самоуправление.

Большинство интернационалистов Шо-де-Фона были эмигрантами из Парижа, Лиона, Испании и Италии, что не облегчало группе связи с местными рабочими, которые относились к анархистской агитации с симпатией, но одновременно и с опаской[689]. Тем более что в часовой индустрии как раз бушевал кризис.

Но анархистам удалось расширить свое влияние. Работала кооперативная часовая мастерская, основанная членами Интернационала. Анархисты Шо-де-Фона поддерживали тесные контакты с группами в Невшателе, где жил Гильом, и в долине Сент-Имье, где секция группировалась вокруг часовщика Адемара Швицгебеля (1844–1895), всеобщего любимца, человека веселого и деятельного, который умел доходчиво объяснить рабочим самый сложный вопрос экономики и политики[690].

* * *

В те годы мировое социалистическое движение еще не отмечало 1 мая – день международной солидарности людей труда. Трагические события в Чикаго, которые привели к разгрому забастовки за восьмичасовой рабочий день и казни пятерых анархистов, произошли лишь в 1886 году. Знаменательным днем, моментом смотра сил и открытого выражения своих взглядов и намерений для социалистов всех оттенков во всем мире тогда было 18 марта – очередная годовщина провозглашения Парижской коммуны. Выступление, организованное в эту дату в столице Швейцарии Берне, стало, пожалуй, наиболее важной и шумной акцией Юрской федерации в 1877 году. И самое активное участие в ней принял Петр Кропоткин.

Поль Брусс, вдохновитель Бернской секции федерации, предложил организовать демонстрацию по улицам города под красным знаменем Интернационала. Он посещал секции в различных местах и убеждал их членов приехать в Берн для участия в манифестации. Столицу выбрали специально: анархисты хотели бросить открытый вызов властям Швейцарии! Год назад там запретили поднять красный флаг. К тому же анархисты знали, что многие бернские социалисты недовольны местными реформистскими лидерами, и они рассчитывали привлечь их на сторону Юрской федерации[691].

Намерения организаторов были самыми радикальными. Активисты «постановили явиться в возможно большем числе с красным знаменем, чтобы отпраздновать 18 марта в Берне» и пригласили «всех товарищей явиться к прибытию знамени на вокзал и, если нужно, защищать его», – сообщал Кропоткин в письме Робену. «Секции Юры пошлют от 10 до 20 или 30 решительных человек. Если придется драться, тем лучше. На этот раз люди придут, вооруженные кастетами. Не защищать поруганное знамя хотят, а проявить себя, доказать людям, что мы умеем организовать, доказать населению Берна, что у нас есть силы, а также выступить с пропагандой перед многочисленной аудиторией... Что касается меня, то я целиком одобряю этот способ действий. Конечно, это способ пропаганды (и, скажу в скобках, красное знамя для меня не тряпка), нападая на него, нападают на нас, и мы должны его защищать). В общем, мы отсюда пойдём в Берн, человек двенадцать... Если жандармерия нас атакует, тем лучше. Это будет пропаганда с помощью ударов кастетами – и револьверных выстрелов, если потребуется. Все думают, что придется драться...»[692] Что же, Фридрих Ницше призывал своих последователей философствовать молотом, а Петр Кропоткин в это время был не прочь пофилософствовать кастетом.

В назначенный день активисты Юрской федерации сели на поезд и направились в Берн. Некоторые взяли с собой палки и трости, чтобы отбиваться от возможного нападения. По дороге Кропоткин и его товарищи разучивали новую песню «Красное знамя», которую Поль Брусс написал на мелодию швейцарского военного марша «На берегах вольной Сарины» и передал Луи Пэнди для юрцев из Шо-де-Фона. В ней рассказывалось об истории этого символа социальной революции. Вначале знамя было сигналом чрезвычайного положения. Потом, в 1791 году, оно стало свидетелем расстрела королевскими войсками революционной манифестации на парижском Марсовом поле. И с этого момента красный флаг превратился в революционную эмблему. В феврале 1848 года его подняли в Париже в начале новой революции. В июне того же года оно стало символом парижского восстания рабочих. И наконец, в 1871 году оно стало знаменем Парижской коммуны... Теперь же это – знамя «всемирной республики» анархистов.

Организационный комитет запланировал проведение двух мероприятий. Сначала, после полудня, демонстранты должны были двинуться из города под красным флагом к месту проведения митинга, а затем вечером устраивался праздничный ужин для членов Интернационала и приглашенных. Нести знамя с золотой каймой, доставленное из Шо-де-Фона, было поручено Швицгебелю. Колонна медленно шла по Берну, на глазах у огромной толпы любопытствующих. У вокзала была сделана остановка, чтобы встретить приехавших рабочих из Цюриха и Базеля – делегацию активистов Интернационала из Немецкой Швейцарии, которые привезли второе красное знамя и присоединились к демонстрации.

И тут к манифестантам подошел префект Берна и объявил им, что присутствие красного флага может вызвать беспорядки. Едва Швицгебель начал возражать, на него набросились трое жандармов, выхвативших у него знамя. Началась потасовка, стражи порядка уносили свой трофей, а демонстранты погнались за ними. Жандармы обнажили сабли, протестующие пустили в ход палки и трости. В ходе стычки получили ранение шестеро жандармов и несколько анархистов и социалистов. Флаг Швицгебеля был потерян, но сражение продолжалось до самых дверей жандармерии. А вот второе знамя удалось сохранить: попытавшийся отобрать его полицейский инспектор получил удар и вынужден был выпустить его из рук. Под ним демонстранты продолжили шествие к месту проведения митинга. Однако двое анархистов – часовщик-гравер Улисс Эберхардт (1845-?) из Сент-Имье и бернский слесарь Отто Ринке (1853-1899) – были арестованы; их отпустили лишь через несколько часов[693].

В письме к Робену в апреле Кропоткин признавался: «Что касается 18 марта, то вы, конечно, правы, что не следовало уступать знамя, которое можно было защитить. Но драки с полицией не ожидали, для драки не организовались... Но вы забываете одну вещь: что эти вещи познаются на практике, а у нас не было практики, за исключением парижан. Что касается революционных выстрелов, то их заранее отвергали. Еще представятся более серьезные поводы для выстрелов. Нужно еще представить себе, что для швейцарцев дать отпор полиции – значит совершить нечто сверхъестественное. На рынке, когда полицейский бьет кулаками торговца, никто не смеет дать сдачи, и в Берне полицейская фуражка – точно царская корона...»[694]

Последовавший за демонстрацией митинг оказался весьма успешным. На нем выступили анархистские и социалистические ораторы. Сердечным был и ужин. «В общем, дело удалось замечательно: вместо 70 человек мы имели на собрании 2000. Вместо равнодушных людей мы имели внимательную публику, отчасти сочувствовавшую нам. Ничто так не завоевывает народ, как смелость, – сообщил Петр Алексеевич Робену. – Собрание продолжалось до 12:30, дружественно. Здесь завязывалась дружба, люди братались. В понедельник утром пошли с красными ленточками в петлицах на могилу Бакунина... В понедельник к двум часам покинули Берн. Я отправился, с шодефонцами, в Сонвилье... От Берна до Сонвилье на каждой станции орали "Красное знамя", очень милую песенку Брусса, которая чудесно поется хором, – и симпатии всего вагона были с нами. Пропаганду вели, не умолкая ни на минуту. В Сент-Имье и Сонвилье мы подняли всех молодых людей, и все были на собрании в Сонвилье до 9 часов вечера. Вам остается вообразить себе, какие речи говорились на этом собрании, и общий подъем...»[695]

Юрская федерация расценила выступление 18 марта как большой и вдохновляющий успех.

* * *

Итак, Интернационал имел успех... А вот жизнь «гражданина Левашова» в Швейцарии была нелегкой. Попытка изучить мастерство часовщика не дала результатов: у Кропоткина не было необходимой квалификации. Он зарабатывал писанием статей для бюллетеня, «Географического словаря» и Nature. Возвращаться на родину ему по-прежнему было нельзя: революционеры из России просили его не появляться в стране до завершения «процесса 193», а вести нелегальную жизнь не позволяло состояние здоровья, на которое он жаловался в письме Робену: «...десны вспухли, в коленях жестокая боль, и силы покидают...»[696]

Полностью с русскими делами Петр Алексеевич не порывал, намереваясь написать, по просьбе из России, брошюру о методах прямого действия. Но приходилось оставаться в альпийской стране и активно включиться в работу Юрской федерации, где Кропоткин очень скоро стал играть заметную роль, беря на себя важные задачи. Он пишет для «Бюллетеня Юрской федерации» (например, статьи о Русско-турецкой войне) и одновременно помогает в организации французской и немецкой агитации Интернационала. В апреле 1877-го Брусс приглашает Кропоткина принять участие в издании бюллетеня планируемой Французской федерации, которая должна была объединить нелегальные секции Интернационала в этой стране. Этот проект начал осуществляться с июня, на основе совместного издания газеты L'Avant-garde, которую доставляли во Францию. «Левашов» писал для издания заметки на иностранные темы. К работе были привлечены также Пэнди и другие французские эмигранты[697].

Вместе с Бруссом Кропоткин редактировал бернскую анархистскую газету для немецкоязычных рабочих Arbeiter-Zeitung («Рабочая газета»). Они писали большую часть статей, которые затем переводил на немецкий Эмиль Вернер (1845-?). Петр Алексеевич тесно взаимодействует с цюрихскими рабочими-анархистами Отто Ринке и Вернером, вокруг которых сложилась немецкая группа. Финансовую помощь в ее деятельности оказывала возлюбленная Брусса, русская студентка Наталия Ландсберг. В апреле мае 1877 года Петр Алексеевич участвовал в разработке проекта устава и программы новой немецкой секции Интернационала – «Немецкоязычной анархистской коммунистической партии»[698].

А вот в новом женевском издании Le Travailleur («Трудящийся»), которое в мае начали издавать Перрон, Жуковский и Элизе Реклю, Кропоткин сотрудничать отказался. Причина этого проста: в журнале печатали статьи не только анархистов, но и их самых ярых оппонентов... «Я отказал им в содействии, ибо я предвидел, что „свободная трибуна“ (часть журнала, отведенная для свободной дискуссии) – только дверь для якобинских друзей Жуковского и Кана», – пишет он Робену[699].

В результате отношения с этой группой оказались напряженными. Разговор Кропоткина с Арборе-Ралли в Женеве закончился тем, что разозленный собеседник отказался говорить и с большой неохотой пожал ему руку. Летом 1877 года отношения обострились до того, что

Арборе-Ралли написал Петру Алексеевичу оскорбительное письмо, угрожая полным «разрывом». Как явствует из их переписки, тем для ссор накопилось предостаточно. Ралли и его друзья считали Кропоткина «шавкой Брусса» и марионеткой Гильома, обвиняли его в бойкоте Le Travailleur, нежелании попросить у Гильома типографский шрифт для группы Сажина и т. д. Но тот отвергал все обвинения и стремился избежать конфликта. «Я желал бы одного, чтобы вы не искали вражды там, где ее нет, – писал Кропоткин 18 июля в письме к Арборе-Ралли. – В вашей преданности делу я несколько не сомневаюсь, но будьте же и вы справедливы, не старайтесь объяснять моих поступков какими-нибудь пакостными мотивами. Я вам прямо высказал, что я думаю о характере вашей пропаганды, но я не старался объяснить ваших убеждений ни задними целями, ни тем, что вы флюгер в чьих-нибудь руках. Допустите же, прежде всего, и во мне способность думать, что я говорю, и не ищите всякий раз пакостных мотивов, едва я думаю иначе, чем вы. Только тогда и возможно какое-нибудь общее дело»[700].

Но, несмотря на конфликт, в марте 1877 года Кропоткин и Арборе-Ралли вместе с Аксельродом, Драгомановым, Жуковским, Клеменцем и Варлаамом Черкезовым провозгласили создание «Общества пособия политическим изгнанникам России»[701]. Целью этой организации были сбор и распределение денег в помощь российским политэмигрантам.

* * *

Кропоткин внимательно следит за деятельностью Интернационала в различных странах. Он осуждал организаторов итальянского восстания в Беневенто, возмущаясь тем, что его товарищи сдались правительственным войскам. Впрочем, изучив обстоятельства более тщательно, он пришел к выводу, что иного выхода не было. В июне, когда Альбаррасин возвратился в Испанию, «Левашов» намеревался отправиться с ним, чтобы принять участие в организации восстания рабочих-анархистов на Пиренейском полуострове. Однако Гильом отговорил его от этого начинания, объяснив, что в силу незнания им испанского языка Кропоткин сможет быть всего лишь еще одним стрелком, меж тем как его присутствие в Швейцарии сейчас более необходимо и желательно[702].

Кропоткин собирался в июле поехать в Париж, чтобы вести работу там, но и эта поездка не состоялась. Ралли предупредил его, что французская полиция намерена арестовать эмигранта, как только он пересечет границу. Хотя Брусс подозревал в этом предостережении интриги женевской группы, Гильом и Кропоткин отнеслись к нему вполне серьезно[703].

В итоге в поездку по Франции отправился один Гильом. В его отсутствие «Бюллетень Юрской федерации» редактировали Брусс с Кропоткиным. В номерах за 22 и 29 июля Петр Алексеевич опубликовал (без подписи) важные редакционные теоретические статьи, атакуя политическую борьбу и социал-демократию и провозглашая «конструктивные идеи» революционного социализма. Существующий общественный строй, доказывал он, невыносим и подлежит ликвидации, замене другим, при котором каждый будет пользоваться полным продуктом своего труда. Для этого необходимо, чтобы в народе

сформировался дух бунта и нетерпимости к социальной несправедливости, а это возможно только путем энергичного протеста против тирании не на словах, а на деле, но отнюдь не с помощью парламентских реформ. В результате люди поймут, что бороться надо не за права граждан, а за права работников, что политические свободы невозможны без свобод экономических, что спасение неосуществимо без экспроприации собственности буржуазии в пользу всего общества и без разрушения государства, писал Кропоткин[704].

Анархист из России с энтузиазмом воспринял новую идею, которая распространялась в социально-революционных кругах, – идею так называемой пропаганды действием. Отчасти она основывалась на старом бакунинском бунтарстве, но приобретала особую остроту в ситуации репрессий, которые обрушились на Интернационал в 1870-х годах, после кровавого подавления Парижской и других коммун во Франции и «кантональной революции» в Испании. Полагая, что трудящиеся массы «спят», погрязшие в нищете, бесправии и безнадёжности, и их необходимо «пробудить» на социальную революцию, активисты верили, что сделать это можно путем ярких актов, которые могли бы послужить примером решительной и бескомпромиссной борьбы. И восстание, организованное Итальянской федерацией в начале 1877 года в Беневенто, виделось им не как катастрофический провал, а как первый опыт, который следовало развить, расширить и распространить.

9 июня итальянский анархист Андреа Коста (1851–1910) выступил перед женеvскими активистами с докладом о «пропаганде действием». А 5 августа в «Бюллетене Юрской федерации» появилась статья «Пропаганда действием», написанная при участии Брусса и призванная разъяснить смысл этого термина, о котором «в последнее время часто говорят в Юрской федерации». Прежние, привычные методы социалистической пропаганды – индивидуальные беседы, митинги и лекции, печатная агитация – носят теоретический характер и явно недостаточны. Пропаганда действием нацелена на то, чтобы пробудить более широкие слои трудового населения, включая тех, кто не ходит на митинги и не читает прессу и брошюры. Она не является способом совершения революции, путчиvзмом, когда небольшая группа заговорщиков действует вместо народа и для него. «Пропаганда действием – это могучее средство пробуждения народного сознания». Это возможность показать пример и возможность осуществления идеала. Примерами могут служить Парижская коммуна, восстание в Беневенто, рабочая демонстрация, которая была устроена народниками у Казанского собора в Петербурге 6 декабря 1876 года, или бернская манифестация 18 марта. «Но одного акта действия недостаточно для того, чтобы привлечь народное внимание. Это возбужденное внимание необходимо подпитывать». Иными словами, непрерывные акты «пропаганды действием» должны были служить, по мнению ее сторонников, своеобразной школой, «гимнастикой революции». И самым могучим примером они считали ситуацию, при которой в случае победы местного восстания будет провозглашена коммуна, рабочие ассоциации овладеют производством и распределением и осуществится обобществление собственности[705].

* * *

4–6 августа 1877 года Кропоткин принимал участие в ежегодном конгрессе Юрской федерации в Сент-Имье. На нем были представлены тридцать делегатов от двадцати одной секции, включая делегатов из Немецкой Швейцарии[706].

Конгресс открылся в большом буфетном зале местного вокзала, украшенном гирляндами зелени и выполненными пастелью рисунками на социалистические сюжеты, в том числе с изображением частной и общественной собственности. Эти изображения, нарисованные рабочим-гравером из Сонвилье, распечатали литографическим способом и раздавали в качестве агитации. Обсудив повестку дня, делегаты заслушали доклады Гильома, Косты и Карла Кахельхофера (1854–?). Первый из них выступал в основном зале, где проходил конгресс, двое остальных – соответственно перед итальянскими и немецкими рабочими[707].

На следующее утро начались дебаты, а после обеда в кафе «Золотой лев» анархисты решили отстаивать свое право на флаг, устроив публичную манифестацию.

Участники конгресса в Сент-Имье снова вышли на демонстрацию под красным знаменем, на сей раз полные решимости защищать его даже с оружием в руках. «На одной из площадей, по которым мы должны были пройти, – вспоминал Кропоткин, – расположился полицейский отряд, чтобы остановить нашу процессию, а в соседнем поле взвод милиции упражнялся в учебной стрельбе. Мы хорошо слышали выстрелы стрелков, когда проходили по улицам города. Но когда наша процессия появилась под звуки военной музыки на площади и было ясно, что полицейское вмешательство вызовет серьезное кровопролитие, то нам предоставили возможность спокойно идти. Мы, таким образом, беспрепятственно дошли до залы, где и состоялся наш митинг»[708].

Впрочем, Джеймс Гильом утверждал позднее, что Петр Алексеевич несколько драматизировал события: воскресные стрельбы ополчения не были специально приурочены к этой демонстрации, но являлись обычными для швейцарских городов тех лет[709]. Но так ли или нет, – звуки выстрелов пробуждали бойца в нашем «пропагандисте действием»...

По завершении демонстрации дебаты на конгрессе были продолжены и завершились крупным митингом, собравшим сотни людей.

А песня «Красное знамя» стала знаменитой в анархистском и социалистическом движении последних десятилетий XIX века. Она распространилась во Франции, Бельгии, Польше... Польский вариант был, в свою очередь, переведен на русский язык социал-демократом Глебом Кржижановским, и этот «Красный флаг» превратился в одну из известных песен российского революционного движения. Оригинал Брусса в Западной Европе был позабыт. Возможно, потому, что анархисты перестали пользоваться знаменем красного цвета – его сменил черный флаг...

Конгресс в Сент-Имье, провозгласивший программу анархистского коллективизма, обсудил, помимо организационных, такие вопросы, как формирование объединений рабочих по профессиям и участие во всемирном конгрессе в Генте, на который должны были собраться социалисты всех направлений. Среди участников преобладало скептическое отношение к

социал-демократическим партиям, но ради международной солидарности было решено направить делегацию на этот форум[710].

А через несколько дней после конгресса в Сент-Имье, 16 августа, в Берне открывался процесс над участниками событий 18 марта. По обвинению в «драке, использовании опасных для жизни инструментов и сопротивлении» под суд были отданы двадцать девять человек. Кропоткин не был в их числе, он присутствовал среди публики; Швицгелль и Шпихигер выступали в качестве свидетелей. Обвиняемые отказались принести клятву и прибегать к услугам адвокатов: они защищали себя сами, вели себя смело и резко. Называли себя жертвами произвола властей. Они признались и в участии в манифестации, и в том, что нанесли ранения полицейским. Подытоживая позицию обвиняемых, телеграфист из Лозанны Бюаш заявил: мы не собираемся оправдываться перед теми, кто представляет силу закона, и обращаемся к народу, который отнюдь не выказал враждебности в отношении манифестации; юридические меры несовместимы с либертарным порядком вещей, и обвиняемые полагаются на народное сознание, которое было продемонстрировано как в Берне, так и в Сент-Имье!

Обвиняемым удалось добиться симпатий среди общественности. И дело закончилось сравнительно мягкими приговорами: два человека получили по шестьдесят дней тюремного заключения, двенадцать обвиняемых – по сорок дней, пятеро – по тридцать дней и шестеро – десять дней заключения. Кроме того, они должны были заплатить судебные издержки и компенсацию раненым жандармам – всего более тысячи франков[711].

* * *

В самом конце августа на квартире Кропоткина в Шо-де-Фоне, в доме № 11 по улице Прогресса прошло тайное мероприятие... Это был конгресс по созданию Французской федерации. Петр Алексеевич был избран секретарем-корреспондентом ее бюро[712]. В этом подпольном собрании принимали участие представители французских секций, а также Брусс, Малатеста, испанец Хосе Гарсиа Виньяс (1848–1931) и другие члены Интернационала[713]. Учредив федерацию на основе анархо-коллективистских принципов, конгресс рекомендовал, наряду с устной и печатной агитацией, использовать методы «пропаганды действием»[714].

А с 6 по 8 сентября 1877 года в бельгийском городе Вевье собрался уже конгресс всего федералистского Интернационала. Конгресс, которому суждено было стать последним. Кропоткин представлял на нем нелегальные организации русских анархистов, Гильом – Юрскую федерацию, Монтель и Брусс – Французскую, Коста и Раньери Паоло Мартини (1852–1915) – Итальянскую, Ринке и Вернер, пришедшие пешком из Берна, – секции немецко-швейцарских и немецких рабочих, Хосе Гарсиа Виньяс («Родригес») и Томас Гонсалес Мораго («Мендоса»;?–1885) – Испанскую федерацию. Косвенным образом были представлены группы из Греции, Египта, Уругвая. Бельгийская федерация, уже прекратившая сотрудничество в Интернационале, не прислала официальных делегатов. От этой страны присутствовали члены Федерации секций долины Везера во главе с ткачом Жераром Жеромбу (1848–1925). Кропоткину было поручено вести протокол заседаний,

проходивших в помещениях, которые занимала секция Интернационала в доме № 23, в большом зале двора Соваж на площади Мучеников[715].

Гильом зачитал отчет Федерального бюро. В принятых резолюциях делегаты заявили, что предстоящая социальная революция должна не просто изменить политические институты, она будет носить глубинный, экономический характер и изменит всю структуру общества. Как только она начнется, следует приложить все силы для того, чтобы пропагандировать ее по всему миру и распространить на все страны. Как и на предыдущих конгрессах Интернационала, было подтверждено решение о том, что никакой справедливости и никакого равенства не может быть без обобществления собственности. Участники конгресса вновь заявили, что для них нет никакой разницы между политическими партиями, будь они буржуазными или социалистическими, – всех их необходимо разрушить и ориентировать трудящихся на революционный социализм и создание объединений работников по профессиям с прицелом на уничтожение системы наемного труда в будущем. По предложению Жеромбу, была принята резолюция солидарности «с Беневенто, Берном и Санкт-Петербургом»...

Но основным спорным вопросом оказалось участие во всемирном социалистическом конгрессе в Генте. Делегаты не выступили против, но высказали свои опасения. Они постановили, что рабочим союзам не следует заключать «пакты солидарности» с группами и объединениями, которые придерживаются иных, чем они, основополагающих принципов. Функции Федерального бюро Интернационала были доверены Федерации секций долины Везера, а следующий, X конгресс, предлагалось собрать в 1878 году в Швейцарии[716]. Но он так и не состоялся...

* * *

Конгресс в Генте, заседавший с 9 по 15 сентября 1877 года, как и следовало ожидать, закончился тем, что анархисты (Кропоткин-«Левашов», Гильом, «Родригес», «Мендоса», Брусс, Монтель, Жеромбу, Коста, Мартини, Ринке и Вернер) и социалисты (Дезире Брисме, Де Пап, Вильгельм Либкнехт, Лео Франкель, Джон Хейлс, Герман Гройлих) не смогли договориться. Отныне и окончательно пути обоих течений разошлись. Но Кропоткину не пришлось дожидаться завершения работы форума.

Бельгийская полиция быстро узнала, кто такой Левашов, и получила приказ арестовать его «за нарушение полицейских постановлений». Формальный предлог для ареста был очень прост: Кропоткин записался в гостинице вымышленным именем. Над ним нависла угроза возвращения туда, откуда с такими сложностями был совершен блестящий побег: «Мои бельгийские друзья предупредили меня. Они утверждали, что клерикальное министерство, находившееся у власти, способно выдать меня России, и настаивали на том, чтобы я немедленно оставил конгресс. Друзья не позволили мне даже возвратиться с одного большого митинга в гостиницу»[717].

В действительности, как уверяют биографы Кропоткина Джордж Вудкок и Иван Авакумович, бельгийская полиция не имела намерения арестовывать беглеца из России, а

предупреждение исходило от бельгийского социалиста Денишера, который упоминал о действиях царских шпионов[718]. Так или иначе, было решено, что «Левашов» должен исчезнуть из Бельгии. Группа рабочих сопровождала Кропоткина к одному из социал-демократов, где он смог спокойно переночевать и 11 сентября направиться в Антверпен, откуда с одним легким саквояжем отплыл в Англию.

* * *

Прибыв в Лондон, Кропоткин воспользовался гостеприимством Робена. На сей раз он провел в британской столице несколько недель, посвятив их чтению и научной работе. В читальном зале Британского музея Петр Алексеевич начал изучать историю Великой Французской революции. Таковы были первые шаги Кропоткина как историка – еще одна грань его энциклопедического таланта. За последующие три с лишним десятилетия он написал целый ряд статей, посвященных этому великому поворотному пункту в развитии современной цивилизации. Венцом долгих раздумий и изучения многочисленных первоисточников и научных работ стала его фундаментальная книга «Великая Французская революция. 1789–1793», впервые увидевшая свет в 1909 году.

Главной заслугой Кропоткина в исследовании революции во Франции стоит, безусловно, считать четкий и ясный анализ движущих сил и интересов этого грандиозного социального переворота. Ему удалось показать противоречие между революцией, которую совершали буржуазия и либеральное дворянство, и революцией народных масс, далеко выходящей за собственно буржуазные рамки. Особенно интересовали Кропоткина самоуправленческие начала, чьим воплощением выступали секции и коммуны, а также эгалитарные тенденции к социализации собственности, проявлявшиеся как в предложениях и проектах отдельных деятелей, так и в стихийных действиях масс. Большое место он уделяет критике якобинской диктатуры и ее политике по сдерживанию революционных преобразований, огосударствлению и удушению народного самоуправления. В этих действиях якобинцев Кропоткину неслучайно виделось предвестие будущих рецептов сторонников государственного социализма, в том числе – социал-демократов[719].

Размышления над историей революции и изучение материалов о социальных движениях побудили Петра Алексеевича искать более глубокое обоснование для своих анархистских идеалов. Ибо «анархизм – нечто большее, чем простой способ действий или чем идеал свободного общества. Он представляет собой, кроме того, философию как природы, так и общества, которая должна быть развита совершенно другим путем, чем метафизическим или диалектическим методом, применявшимся в былое время к наукам о человеке, – писал Кропоткин. – Я видел, что анархизм должен быть построен теми же методами, какие применяются в естественных науках; но не на скользкой почве простых аналогий, как это делает Герберт Спенсер, а на солидном фундаменте индукции, примененной к человеческим учреждениям»[720]. В последующие десятилетия он попытается возвести на этой основе здание «научного анархизма».

Стремясь вернуться к активной революционной деятельности, Кропоткин перебирается в Париж, по-прежнему под именем Левашова. Здесь он вместе с Костой, его женой Анной

Моисеевной Кулишевой (Розенштейн, 1854–1925) и французскими социалистами во главе с Жюлем Гедом занимается возрождением социалистического движения во Франции. В то время французские социалисты еще не испытали жесткого размежевания между анархистским и марксистским течениями. Вначале процесс шел трудно: страна еще не оправилась после жестокого разгрома Парижской и других коммун. Создание первых групп начиналось со встреч в кафе, в которых принимали участие от пяти до шести человек. Митинги обычно собирали не более сотни участников. «Нас было не больше двадцати человек, чтобы вести движение, и мы имели не более двухсот открытых сторонников. На первых поминках Коммуны, в марте 1878 года, нас было не больше двухсот человек», – вспоминал Кропоткин. Но начало было положено: «Два года спустя пришла амнистия для коммунаров, и все рабочее население Парижа высыпало на улицы, чтобы приветствовать возвращающихся. Оно толпилось на их митингах и восторженно принимало изгнанников»[721].

В Париже Кропоткин продолжал изучение истории Французской революции, работая в Национальной библиотеке. В столице Франции он впервые лично познакомился с Тургеневым. Писатель, узнав о побеге Петра Алексеевича в Европу, написал Лаврову и через него передал беглецу приглашение на дружеский обед. Во французской столице Кропоткина застала весть о поворотном событии в истории российского революционного движения. Революционерка Вера Ивановна Засулич (1849–1919), стрелявшая в петербургского градоначальника Федора Федоровича Трепова, была 12 апреля (31 марта по старому стилю) оправдана судом присяжных. Покушение Засулич, по свидетельству Степняка-Кравчинского, «имело огромное значение в развитии [народнического] терроризма. Оно озарило его своим ореолом самопожертвования и дало ему санкцию общественного признания. Оправдание Засулич было торжественным осуждением всей системы произвола, которая заставила эту девушку поднять на палача свою мстительную руку. Печать и общество единодушно приветствовали приговор присяжных»[722]. Такой же была реакция не только европейских социалистов, но и европейской прессы.

Увы! Последствия выстрелов Веры Засулич для международного революционного движения оказались куда более противоречивыми. Они во многом способствовали тому, что в понимании «пропаганды действием» произошел опасный сдвиг. Если ранее под этим термином понимались в первую очередь масштабные революционные акты повстанческого характера, такие как восстания, радикальные стачки или акты саботажа, то теперь отчаявшиеся революционеры, выведенные из себя непрерывными и жестокими репрессиями, включили в число таких действий индивидуальные покушения на «столпы» существующего строя.

Первое эхо выстрелов Засулич отозвалось в Европе еще в том же 1878 году. 11 мая и 5 июня немецкие анархисты Макс Хёдель (1857–1878) и Карл Нобилинг (1848–1878) совершили покушения на германского императора Вильгельма I; эти акции стали предлогом для введения в Германии «чрезвычайного закона» против социалистов. В Испании 25 октября Хуан Олива Монкуси (?–1879) попытался убить короля Альфонса XII. Итальянский анархист Джованни Пассананте (1849–1910) 17 ноября ранил кинжалом короля Умберто I. В последующие годы количество покушений стало расти; многие революционеры стали делать упор именно на них, стремясь превратить такие нападения в настоящую «городскую»

герилью». Результат оказался, однако же, совершенно не тем, на который рассчитывали те, кто жаждал «пробудить» массы: такого рода акты скорее изолировали анархистов от народа...

Пребывание Кропоткина в Париже в 1878 году было недолгим. Интернационал оставался запрещенным во Франции, и на его активистов вновь обрушились репрессии. В конце марта 1878 года полиция арестовала Кулишеву, Косту, итальянских анархистов Тито Занарделли (1848-?) и Лодовико Набруцци (1846-1916) и французского социалиста Педуссо, обвинив их в принадлежности к Интернационалу[723]. Все они были сотрудниками издававшейся Гедом газеты L'Egalité («Равенство»). Левашов был объявлен в розыск, но Кропоткин прописался под настоящей фамилией и смог прожить в столице Франции еще около месяца. Затем в конце апреля он уехал в Женеву, собираясь провести там несколько дней. Но ему пришлось задержаться в Швейцарии на несколько недель для обсуждения ситуации во Франции[724].

* * *

Юрская федерация в это время была ослаблена арестами нескольких своих ведущих активистов. Из отправившихся в Вербье и Гент в Швейцарию вернулся только Гильом, но и он весной 1878 года окончательно уехал во Францию. «Бюллетень Юрской федерации», страдавший от финансовых проблем в условиях экономического кризиса и сокращения числа подписчиков, перестал выходить в марте 1878-го. Издание Arbeiter-Zeitung было прекращено еще раньше.

В июне 1878 года Кропоткин все же решил поехать в Испанию, куда он собирался еще год назад. Испанская федерация Интернационала, объединявшая в начале 1870-х годов десятки тысяч членов, со времени ее запрета в 1874 году испытывала на себе тяжелые и непрекращающиеся репрессии со стороны властей. Тысячи ее активистов находились в заключении или в ссылке. Конгрессы перестали собираться; их сменили окружные конференции. Деятельность по организации рабочих обществ и ассоциаций оказалась парализованной. Из трехсот двадцати местных федераций, существовавших в 1874 году, в 1877-м осталось лишь семьдесят три; к 1880-му их число сократилось до тридцати семи, а в 1881 году Испанская федерация была распущена[725]. Приехав в страну, Петр Алексеевич застал движение, находившееся в состоянии спада. Как и в других регионах Европы, революционеры Испании судорожно искали новые пути и ожесточенно спорили о методах действий.

Испанские анархисты приняли принцип «пропаганды действием», но понимали его по-разному. Окружные конференции федерации в 1876 году одобрили создание тайных групп для подготовки революционных восстаний, целью которых было провозглашение независимых коммун. В 1877 году они высказались за проведение всеобщей забастовки с требованием восьмичасового рабочего дня[726]. Представления на местах о том, что следует делать и как противостоять ударам со стороны властей, все больше расходились. В 1878 году конференции организаций Каталонии, Валенсии, Мурсии и Восточной Андалусии подтвердили ориентацию на то, чтобы использовать первый же подходящий повод для того, чтобы поднять восстание. Активисты Западной Андалусии предпочитали сделать упор на

другое – «пропаганду действием» в виде точечных ударов и ответных «репрессалий» в отношении власть имущих[727].

Приехав в Барселону, Кропоткин стал гостем Гарсиа Виньяса, бывшего делегата Испанской федерации на конгрессе Интернационала в Вервье. Петр Алексеевич обедал у него и жил в небольшой гостинице неподалеку[728]. Врач Гарсиа Виньяс, друг Бакунина, был одним из основателей Интернационала в Испании. В июне 1873 года, во время восстания республиканцев-федералистов, он на несколько дней вместе с Бруссом захватил муниципалитет Барселоны. Участник конгрессов федералистского Интернационала в 1873, 1874, 1876 и 1877 годах, он поддерживал широкие международные связи, отойдя от движения лишь в 1880-х. Гарсиа Виньяс был сторонником повстанческих действий[729], но одновременно выступал за развитие рабочего движения, создание рабочих обществ и ведение социально-экономической борьбы за повседневные интересы трудящихся.

Как раз в период пребывания Кропоткина в Испании летом 1878 года среди испанских анархистов разгорелся конфликт по вопросу о будущей тактике. Барселонцы ориентировались на укрепление рабочего движения, тогда как в Мадриде усиливались приверженцы индивидуальных актов и покушений[730]. В попытке посредничать между этими течениями Петр Алексеевич отправляется в испанскую столицу, к другому своему знакомому, также бывшему делегату конгресса в Вервье, Гонсалесу Мораго[731]. Гравер по профессии, Гонсалес Мораго также был одним из первых активистов испанской организации Интернационала и поддерживал контакты с Бакуниным. Он был послан делегатом на Гаагский конгресс Интернационала. Защищал там Бакунина, а затем участвовал в конференции в Сент-Имье, созванной федералистским крылом МАТ. Он умер позднее в гранадской тюрьме в 1885 году[732].

Кропоткин воспользовался недолгим пребыванием в Мадриде и для того, чтобы сходить в знаменитую картинную галерею Прадо. Особенное впечатление произвели на него картины великого Мурильо[733].

Петр Алексеевич пробыл в Испании полтора месяца. К сожалению, мы так и не знаем до сих пор, насколько ему удалось примирить позиции различных фракций испанского движения. Но по возвращении оттуда он писал Робену, что чувствует себя «вполне окрепшим морально, а также немного крепче физически»[734]. Кропоткин был готов к новой революционной работе.

В августе он снова в Швейцарии, где его ждут в Женеве товарищи из России: географ Поляков, давний соратник по экспедиции, и Вера Засулич. Вместе с ней Петр Алексеевич совершил экскурсию в горы, затем отправился в Цюрих, а оттуда, в компании Брусса, – на очередной конгресс Юрской федерации во Фрибуре.

Дела в федерации, сообщает Кропоткин Робену, «шли довольно плохо. Большая часть секций дезорганизована, все устали и в большей или меньшей степени пережили тот же кризис, который выбросил меня из колеи на 7–8 месяцев. Теперь появляются кой-какие признаки жизни»[735].

Фрибурский конгресс открылся 3 августа 1878 года и заседал в течение трех дней. На нем были представлены семь секций Юрской федерации. Во Фрибур приехали ведущие активисты, включая Кропоткина-«Левашова» и Шпихигера, бывших делегатами от Шо-де-Фона, Швицгебеля, Брусса, Летчера и других. Анархистам предстояло наконец обсудить вопрос о принятии идейной декларации, в которой их идеи и цели были бы высказаны наиболее ясно и четко.

Элизе Реклю, который не сумел приехать на съезд, прислал свои соображения о том, что должна содержать такая декларация. «Юрцы» должны громко и открыто заявить, что они являются революционерами, анархистами, коллективистами и интернационалистами. Революционерами – потому что социальный переворот может совершиться лишь путем внезапной революции, пусть даже ее подготовит постепенная эволюция сознания людей. Анархистами – потому что они должны действовать не по чьему-либо приказу, а на основе своих убеждений и ответственности. Революционной организации следует быть неиерархической и стремиться к устранению государства. Коллективизм необходим, потому что жизнь невозможна без общественного объединения, которое будет строиться на свободной ассоциации людей. И наконец, «религиозная и национальная ненависть не может разделять нас, ибо наша единственная религия – это изучение природы, а наша родина – весь мир». Оговорившись, что невозможно заранее представить себе всю картину будущего общества, поскольку оно будет делом свободных людей, Реклю сделал намек на принцип анархистского коммунизма: земля станет общественной собственностью, будет принадлежать всем и обрабатываться по всеобщему согласию и на благо всех; производство будет строго отвечать потребностям, а распределение всех богатств между людьми станет задачей всего общества. А пока анархистам следует оставаться «в состоянии перманентной революции»[736].

Еще более определенно высказался в своем докладе об анархистском идеале Поль Брусс. Он заявил, что социальное устройство, к которому стремятся анархисты, может опираться лишь на «научные законы», то есть свободное соединение всех людей как элементов общества. Для этого необходимо устранить «тиранию» собственности на землю, орудия и продукты труда вместе с государственной формой организации общества, с ее «тиранией большинства» и голосованием, которые навязывают человеку чуждую ему волю. Брусс открыто высказался за принятие анархистами принципа безгосударственного коммунизма в экономике, приведя для его обоснования аргументы, которые стали затем общим местом в анархистской доктрине и неоднократно повторялись и Кропоткиным. Земля и недра не являются созданием отдельных людей и потому служат коллективным достоянием человечества. Орудия и инструменты труда заключают в себе природное сырье и «усилия прошлых поколений». Они не должны поэтому «принадлежать кому-либо, но должны быть собственностью всех». Но и сами произведенные изделия, продукты труда, заключают в себе труд всего общества, поскольку работающие над их изготовлением работники и сами суть «социальный продукт». Сама справедливость провозглашает «коммунизм в качестве экономической основы будущей социальной организации»: каждый будет трудиться «соответственно своим силам» и пользоваться наличными благами «в соответствии со

своими потребностями».

В том, что касается политического устройства, Брусс обозначил четкие линии расхождения с теми социалистами, которые выступали за создание «рабочего государства» и за власть большинства, то есть демократию. Такие проекты лишь усугубляют существующую систему, объяснил он. Принцип автономии, который ликвидирует правление большинства и постепенно заменяет его свободным договором, необходимо внедрять силой примера повсюду, где это возможно, и демонстрировать его жизнеспособность – в квартале, регионе, коммуне, профессиональной группе, группе потребителей, образовательном, музыкальном обществе...

Все эти тезисы, повторим, войдут в сокровищницу анархистской мысли, и, провозглашая их, Поль Брусс говорил, разумеется, не только от своего собственного имени. Конечно же, все это было результатом дискуссий и обсуждений, в том числе и с человеком, с которым он наиболее тесно сотрудничал в эти годы, – с Кропоткиным.

Но на Фрибургском конгрессе анархисты Юрской федерации пока не решились сделать следующий шаг: провозгласить необходимость осуществления принципов анархистского коммунизма сразу после социального переворота. Они еще считали, что осуществить желаемое преобразование общества одним ударом невозможно. Не следует ждать, пока все люди осознают справедливость анархистских идей. Начать необходимо в отдельных коммунах, где возникнет такая возможность, и там реализовать хотя бы «отдельные стороны» идеала, постепенно расширяя опыт до коммунизма.

Резюмируя немедленную программу «анархистской партии», Брусс провозгласил: «автономия Коммуны – общественное присвоение земли и орудий труда – групповая автономия». Методами борьбы анархистов он назвал устную и печатную агитацию, носящую теоретический характер, и «пропаганду действием», понимаемую как «повстанческая агитация»[737].

Кропоткин также выступил на Фрибургском конгрессе по вопросу об объяснении анархистских идей. Он высказал мнение, что в анархистской программе должны быть закреплены четыре главных пункта. Во-первых, следует подчеркнуть отличие анархистского коллективизма от «авторитарного коммунизма» других социалистических течений. Этот коллективизм должен предусматривать обобществление земли, жилья, сырья, капиталов и орудий труда и распределение продуктов труда в такой форме, которая будет сочтена желательной отдельными коммунами и ассоциациями. Во-вторых, необходимо провозгласить отрицание государства и установление свободной федерации автономных коммун и групп производителей. В-третьих, нужно отметить, что социальная революция возможна лишь как широкое «спонтанное восстание народа» и «насильственная экспроприация» собственности коммунами и группами производителей. Такой переворот займет несколько хаотических лет, на протяжении которых никакой выборный представительный орган не должен сковывать народную инициативу. И наконец, в-четвертых, анархистам следует отвергнуть любую тактику, нацеленную на реформу или укрепление государства, но стремиться к пробуждению народа, используя методы теоретической пропаганды и «повстанческие действия»[738].

Как видим, все предложения, так или иначе, шли в одном и том же направлении. Поэтому конгресс постановил собрать различные проекты программного характера, которые уже сделаны (или вскоре будут), и вынести их на обсуждение следующего форума. В качестве рабочей основы будущей программы были определены такие положения, как общественное присвоение богатств; ликвидация государства в любых его формах; использование методов теоретической пропаганды и «повстанческого и революционного действия»[739].

Второй важнейшей теоретической проблемой, которая обсуждалась во Фрибуре, был вопрос о территориальной свободной коммуне и ее автономии. Кропоткин писал Робену, что собирается предложить конгрессу «принять участие в коммунистической агитации», то есть в агитации за установление вольных коммун[740]. Под коммунами понимались отдельные города и поселения с окружающей их местностью.

Бороться за создание таких автономных коммун он и призывал. Государство как форма организации общества переживает глубокий кризис и должно уступить место вольным городским и сельским коммунам, объединяющимся в свободные федерации. Именно под флагом их независимости призвана совершаться революция-восстание и осуществляться коллективистские преобразования народной жизни. С другой стороны, именно вопросы, в которых заинтересованы отдельные города и поселения, представляют наиболее подходящую почву для анархистской агитации в настоящий момент. «Дела муниципальной или сельскохозяйственной коммуны интересуют большинство ее жителей; именно активно участвуя в повседневной жизни коммун, мы можем зримо и в понятной для всех форме продемонстрировать связи современного общества и те преимущества, которые будут вытекать из применения наших экономических и политических принципов, – заявил Кропоткин. – С экономической точки зрения коммуна представляет великолепную почву для пропаганды коллективизма и может служить подготовке почвы для экономической революции. С политической точки зрения коммуна – это могучее оружие в войне против государства». Он призвал секции Юрской федерации использовать любые возможности коммунальной независимости, которые могут представиться в ходе будущих восстаний.

Предложения Кропоткина не встретили серьезных возражений со стороны других делегатов. В поддержку идеи коммунальной автономии высказались Швицгебель, Брусс и представитель бернской секции Арнольд. Выступавшие напомнили о революционном опыте коммун в период Великой Французской революции и революции 1870–1871 годов. Только Кан сделал оговорку: хотя он и сторонник коммунальной автономии, но не считает нужным выделять этот вопрос из общей программы полной реализации анархистских требований. И в первую очередь он предостерег от участия в политике на уровне коммуны, то есть на муниципальном уровне, так как это будет противоречить принципам анархизма. На это Брусс и Кропоткин отвечали, что, разумеется, никто и не предлагает использовать уровень коммуны для того, чтобы добиваться частичных улучшений и реформ в рамках существующего общества, – речь идет о провозглашении коммунальной автономии в ходе восстаний. Вопрос не был поставлен на голосование. Но конгресс рекомендовал «раз и навсегда» изучить предложенное требование[741].

Подтвердив, что «Международная ассоциация трудящихся является наилучшей формой организации рабочих масс», делегаты постановили не проводить в будущем 1879 году

очередной конгресс или конференцию Интернационала, поскольку этого не позволяет «кризис, который существует во всех странах»[742]. По существу, это был конец федералистского Интернационала.

* * *

После Фрибурского конгресса Кропоткин возвратился в Женеву, где собирался провести два-три месяца. Здесь он сближается с кругами русских революционных эмигрантов во главе с Жуковским, оставив позади прошлогодние споры и конфликты[743]. Наиболее близко Кропоткин сошелся с грузинским революционером-эмигрантом Варлаамом Николаевичем Черкезовым (1846–1925), который был арестован в России за участие в подпольных народнических кружках. В 1876 году Черкезов бежал из ссылки за границу, сотрудничал с Лавровым в Лондоне, а после переезда в Женеву присоединился к последователям Бакунина. Их дружба и сотрудничество с Петром Алексеевичем продолжались до конца жизни.

Но самой главной переменной в жизни Кропоткина в тот год стало то, что он наконец нашел свою «вторую половину» – любовь и спутницу всей жизни, которая потом, когда мужа уже не стало, пыталась продолжать его дело под свинцовыми глыбами большевистско-сталинской России. Он познакомился с Софьей Григорьевной Рабинович (1856–1941), которая училась в Швейцарии и помогала ему в переводах с испанского. «Я встретился в Женеве с одной русской женщиной, молодой, тихой, доброй, очень доброй, с одним из тех удивительных характеров, которые после суровой молодости становятся еще лучше. Она меня очень любила, я ее тоже», – писал Петр Алексеевич Робену[744].

Кропоткин видел в своей подруге идеал тургеневской женщины. «Повесть Тургенева "Накануне", – вспоминал он, – определила с ранних лет мое отношение к женщине, и, если мне выпало редкое счастье найти жену по сердцу и прожить с ней счастливо... этим я обязан Тургеневу»[745].

Софья Рабинович родилась 28 ноября 1856 года в Киеве, в еврейской семье, но, когда ей было пять лет, ее отец, преуспевающий купец, известный под псевдонимом Ананьев, был сослан в Томск за помощь польским повстанцам. Впрочем, о ее происхождении существует несколько версий. По одной из них ее отец был русским или поляком, носившим фамилию Ананьев. Якобы он за хорошую плату поменялся документами с неким Рабиновичем, избежав более сурового приговора. Об этом говорится в воспоминаниях Софьи, записанных анархистом Николаем Лебедевым. В Сибири ее отец продолжал заниматься предпринимательством, на сей раз – добычей золота на арендуемом прииске. В возрасте 17 лет получившая хорошее домашнее образование девушка взбунтовалась против буржуазной жизни и ушла из семьи, чтобы не жить на средства, нажитые на труде рабочих. Друзья, собрав деньги, помогли ей в 1873 году поехать в Швейцарию, где она училась на медицинских курсах в Берне, а затем – на биологическом факультете Женевского университета. Она утверждала, что еще до поездки в Швейцарию была знакома с революционерами. Привлекательная женщина, с умным, несколько меланхоличным лицом, густыми бровями, большими, слегка косящими глазами, высокими скулами и полными

губами, остроумная и обладающая твердой волей, она легко понравилась Кропоткину, на которого смотрела с обожанием. Их знакомство состоялось весной 1878-го. А 8 октября Петр Алексеевич и Софья поженились[746].

Верные анархистскому идеалу свободной любви, понимаемой, впрочем, не как беспорядочная половая жизнь, а как добровольные, партнерские отношения, которые продолжаются столько, сколько длится сама любовь, и заканчиваются тогда, когда она проходит, супруги не стали совершать ни церковных, ни гражданских обрядов, но заключили друг с другом своеобразный договор. Это свободное соглашение должно было действовать в течение трех лет, после чего могло быть продлено или расторгнуто, по желанию любого из супругов. Вместе они прожили 42 года, а этот договор продлевали 14 раз, и он действовал вплоть до самой смерти Петра Алексеевича[747].

Да, Петр Кропоткин приветствовал свободный договорной брак, поддерживая всех, кто шел по тому же пути. В одном из писем Келти он открыто высказался на сей счет: «Я думаю, что брак – слишком святая вещь, чтобы быть опозленной вторжением таких нарушителей святости брака, как кюре или мэр. Если это не является абсолютно необходимым по каким-либо политическим причинам, – никогда не надо этого делать. Брак – такая личная вещь, где ни церкви, ни государству нечего делать. <...> Если брак сам по себе не свят, будет ли он более священным после благословения мэра?» Как ни странно это звучит, даже церковный брак он уважал больше, поскольку речь шла об убеждениях людей, действующих исходя из религиозной веры, а не из повиновения введенным кем-то законам: «Я понимаю церковный брак, заключаемый религиозными людьми, но гражданский брак – простое лицемерие: чем скорее он исчезнет, тем лучше»[748].

К жене Кропоткин относился с нежностью. «Милая, горячо любимая», «роднуша», «мое родное дитя», «гуля», «голуба», «голубка», «голубинька», «голубушка», «ласточка» (сокращенно «ласта»), «люба», «любка», «любочка», «люлька», «милка», «радка» – так называл он Софью в своих письмах. В долгие периоды разлуки, когда Софья уезжала учиться в университет, писал с еще большей нежностью, страстью и, конечно, с юмором. Стоит процитировать отдельные письма, чтобы почувствовать эту пожизненную влюбленность друг в друга...

«Милая ты моя, – как хотелось бы обнять тебя, приласкать и приласкаться к моей милой, доброй, ненаглядной...»[749]

«Лупу вышлю – и буду ревновать тебя к этой лупе, что она так близко будет к твоим глазам, в которые так хотелось бы глубоко, глубоко посмотреть и потом – крепко-раскрепко расцеловать эту противную, гадкую девчонку, которая только по два месяца любит Петьку, а потом улетает куда-то в неведомые края. У нас такой теплый-претеплый день, озеро сине. Хорошо в воздухе, и на душе хорошо – и еще сильнее хочется взять под руку эту скверную девчонку и закатиться с нею куда-нибудь в глушь лесную...»[750]

«Гуля, как я жду твоего приезда! А ты, гадкая, ждешь? Поторопишься расстаться со своей гадкой анатомией, как я ее невзлюбил теперь. Так и буду знать: гадкие науки анатомия и юридика, анатомия еще хуже теперь. Довольно болтать, гуля, дай поцеловать тебя, моя

славная голубушка. Не сердись на своего Петьку, ведь он любит тебя, и ты люби Петьку. Крепко-крепко люби...»[751] «Любка! Дай обойму тебя вот как! Помня, что „гулю надо крепко любить, вот так“!! А расцелую при этом без счета...»[752]

Постепенно в их письмах проступает кошачья тема, вероятно, на почве огромной симпатии к этому виду животных. Себя Петр Алексеевич именует не иначе как «Кота» или «Кот Серый», а жену называет «котенком», «кысей»...

«В первый раз приходится проводить нам врозь этот день, но зато твой кот будет вечером говорить перед группою студентов и рабочих – явление новое в английской жизни, нами вызванное. Кота будет говорить и помнить об Кысе, милой голубке, которая так счастлива была бы быть тут возле...»[753]

«Получила ли ты шаль? Кóту ужасно интересуется – понравится ли покупка кысе? С розовой мордочкой оно должно быть очень красиво...»[754]

«Вчера, как получил кысино письмо, совсем прояснил, шерстка стала гладкая, и хвостик – кверху!...»[755]

Книжник-Ветров вспоминал, что и спустя многие годы романтическое отношение к Софье сохранялись. Кропоткин «ухаживал за женой, как будто вчера женился, говорил о ней с особенной нежностью»[756]. И Софья Григорьевна не была просто тенью своего мужа и любимого, но разделяла его идеи и деятельно участвовала в одной с ним борьбе, писала. Наконец она была первым читателем и редактором его статей[757]. Софья делила с Петром тяготы и перипетии кочевой и эмигрантской жизни, нехватку денег, постоянный риск оказаться под прицелом преследований и репрессий. Позднее она поддерживала мужа во время заключения во французской тюрьме. Из всех сил содействовала делу его освобождения. Повсюду она была с ним как настоящий друг и товарищ. А в 1884 году у них родилась любимица-дочь Александра, Саша...

* * *

Агитация в пользу революционного движения в России стала одним из главных занятий Кропоткина в конце 1879 года. До конца октября он ездил по Швейцарии, выступая с докладами о «революционном нигилизме в России» в Цюрихе, Валлоне, Шо-де-Фоне, Невшателе, Берне, Фрибуре, Лозанне и Веве[758]. Информирование европейской общественности о деспотизме и репрессиях царского самодержавия и о сопротивлении против него Петр Алексеевич продолжал и в последующие годы, и эта его деятельность в немалой степени послужила росту симпатии к русским революционерам в Европе.

Убеждать Кропоткин умел. «Он считался выдающимся оратором. Действительно, Кропоткин обладал всеми качествами, необходимыми для влияния на массы: привлекательной внешностью, страстностью, пламенностью, хорошим голосом и дикцией»[759], – вспоминал Дейч. Об особенностях манеры Кропоткина убеждать своих слушателей рассказал советский дипломат Иван Михайлович Майский (1884–1975), бывший социал-демократ,

меньшевик, бывавший дома у Петра Алексеевича в 1912–1917 годах: «Речь Кропоткина была на редкость обаятельна и проникновенна. Он обладал особым искусством так изложить вопрос, так предвосхитить возможные возражения аудитории, так затронуть какие-то глубокие струны в душе слушателя, что сопротивляться силе его мысли и чувства было чрезвычайно трудно – не только для сочувствующего, но даже и для инакомыслящего»[760].

Немало обаяния придавал энциклопедизм, сочетавшийся с литературностью, красотой слога. Говорить с ним было все равно что читать книгу: «Передо мной интересная, умная книга, – вспоминал о беседе с Кропоткиным скульптор Сергей Дмитриевич Меркуров (1881–1952). – О чем бы он ни говорил – он творит. Шаблонных фраз нет. Образно, красиво, необыкновенно, и каждый раз новая область, будь то политика, философия, искусство, геология, тюрьма...»[761] «Что говорит! и говорит как пишет!» – заметил когда-то о таком стиле речи Александр Сергеевич Грибоедов, вложивший эту фразу в уста героя своей пьесы «Горе от ума»...

Но более развернуто свои впечатления от выступлений Кропоткина-оратора высказал Степняк-Кравчинский: «Он замечательный агитатор. Одаренный от природы пылкой, убедительной речью, он весь превращается в страсть, лишь только всходит на трибуну. Подобно всем истинным ораторам, он возбуждается при виде слушающей его толпы. Тут он совершенно преображается. Он весь дрожит от волнения; голос его звучит тоном глубокого, искреннего убеждения человека, который вкладывает всю свою душу в то, что говорит. Речи его производят громадное впечатление благодаря именно силе его воодушевления, которое сообщается другим и электризует слушателей. Когда по окончании речи, бледный и взволнованный, Кропоткин сходит с трибуны, вся зала гремит рукоплесканиями»[762]. Страсть эта, впрочем, по мнению того же Степняка, сочеталась с цельным, системным изложением взглядов: «...всякое свое убеждение он высказывает как фанатик, теоретик, сжившийся, сроднившийся со всякою своею мыслью, связавший и сцепивший ее со всем своим мирозерцанием»[763].

Сам Петр Алексеевич считал искренность, эмоциональность, страстную манеру выступления одной из изюминок своего ораторского стиля. В этом он признавался жене: «Но что неизменно возбуждает симпатии – это чувствительная сторона. Постараюсь сильнее ударить на эту струну. Les bonnes idées viennent du coeur[764], и если сердце будет лучше говорить, авось и мозги поумнеют»[765]. Хорошие идеи идут от сердца... Наверное, если бы он писал учебник по ораторскому искусству, то так бы и назвал его.

Но что касается дискуссий и споров, тут мы можем увидеть диаметрально противоположные отзывы. Часто, говоря один на один со своим противником, Кропоткин производил впечатление довольно прямого и откровенного, хотя и тактичного человека. «Он всегда говорил правду в глаза, – со всей деликатностью доброго и мягкого человека, но без малейшего снисхождения к мелкому самолюбию слушателя. Это безусловное прямотушие – самая разительная и симпатичная черта его характера»[766], – вспоминал Степняк-Кравчинский. Но вдруг в пылу спора он «начинает думать вслух, как бы становясь на точку противника», мысленно перебирает аргументы и после нескольких минут молчания, «обращаясь к своему изумленному собеседнику, произносит с улыбкой: „Да, вы правы“»[767].

Таким помнил Кропоткина-спорщика и военный географ, генерал-майор в отставке Михаил Иванович Венюков (1832–1901). Хорошо знакомый с Петром Алексеевичем по научной работе в Петербурге, в конце 1870-х годов он выехал за границу и немало лет прожил в Швейцарии. Венюков не был чужим для русских политэмигрантов. Ведь когда-то он сам переписывался с Герценом и писал статьи для журнала «Колокол». Венюкову принадлежит и один из переводов «Марсельезы» на русский язык. В своих мемуарах он высказал весьма негативные впечатления о русских эмигрантах, живших в Женеве. Мол, крохоборы, норовят объегорить на деньги друг друга. И лишь о нескольких из них он оставил прекрасные отзывы. Среди них был и Петр Кропоткин: «...можно было прямо говорить: "Петр Алексеевич, мы с вами в этом не сходимся и не сойдемся", и он не думал надоедать доводами или мстить за то, что их не слушаешь. Самые споры с ним, всегда горячие, ибо он своею, несколько запальчивою, искренностью вызывал на искренность, были честной борьбою, диалектической дуэлью, а не бросанием камней из-за угла»[768].

Некоторые собеседники Кропоткина отмечали еще одну особенность его стиля общения. Проявлялась аристократическая привычка к непринужденной беседе на светских приемах, балах... Так, например, известный писатель Корней Иванович Чуковский (1882–1969) вспоминал, что Петр Алексеевич «обнаруживал светскую привычку заинтересовываться любой темой, которую затронет собеседник», а затем принимался «с аппетитом» «болтать»[769]. Но при этом светскость в общении распространялась на самый широкий круг людей: «Вообще страшное гостеприимство чужим темам, чужим мыслям, чужой душе. Он готов приспособиться к любому уровню, и я уверен, что, приди к нему клоун, кокотка, гимназист, он с каждым нашел бы его тему – и был бы с каждым на равной ноге, по-товарищески»[770].

В то же время другие оппоненты были склонны видеть в споре как будто бы двух разных Кропоткиных, противоположных по отношению к собеседнику. «При малейшем разногласии Кропоткин становился совершенно неузнаваемым: начинал говорить в повышенном тоне, сильно горячился и допускал резкости, оскорбительные для собеседника. Одновременно существовали как бы два Кропоткина: один – корректный, простой, добрый товарищ и интересный собеседник, другой – пылкий спорщик, готовый вцепиться в неодинаково с ним верующего», – писал Лев Дейч. Впрочем, и Дейч склонен заметить, что «в общем, первый Кропоткин все же брал верх». И порой, даже когда на идейной почве он оказывался на грани разрыва с оппонентом, вдруг выяснялось, что Петр Алексеевич «как ни в чем не бывало готов был мирно с ним беседовать, но только на нейтральные темы»[771]. Во всяком случае, свидетельствует Дейч, «пылкий темперамент» Кропоткина, проявлявшийся «лишь в жгучих для него вопросах»[772], был прекрасно известен всем, кто был с ним знаком. Склонность Кропоткина к крайней жесткости, резкости суждений отмечают и другие люди. «Мягкость в житейском обиходе не мешала ему быть крайне резким в споре. Никто, однако, не обижался на его резкости»[773], – вспоминал Аксельрод, бакунист, позднее ставший одним из основателей социал-демократического движения в России. В 1876 году он впервые познакомился с Кропоткиным в Женеве.

Сам же Кропоткин рассматривал такой стиль общения, откровенный и эмоциональный, полный неравнодушия, как единственно возможный между анархистами: «Если я не стесняюсь высказывать свои мнения в резкой форме тем, которых признаю своими

единомышленниками, то и не обижаюсь, когда они мне высказывают их в такой же резкой форме. <...> Только такую форму я и уважаю, когда объяснения идут не между врагами, по предмету, затрагивающему их. Я понимаю, что можно искать парламентарных выражений, когда говоришь с тем, кого не считаешь своими, – парламентарничать же с теми, которых считаешь единомышленниками, – по-моему, просто преступление»[774].

* * *

Агитация Петра Алексеевича имела такой резонанс, что в Европе его стали считать настоящим вождем русской «революционной партии», который организует и направляет ее деятельность из эмиграции. Однако это не соответствовало истине. Как замечал тот же Степняк-Кравчинский, Кропоткин не обладал талантами заговорщика.

К тому же, несмотря на постоянную агитацию в пользу революции в России, Петр Алексеевич не мог испытывать глубинную симпатию к тем процессам, которые происходили в конце 1870-х – начале 1880-х годов в русском революционном движении. Да, он оправдывал покушения, совершаемые «народовольцами», и восхищался их героизмом, но как анархист, конечно же, не разделял политические ориентиры и цели партии «Народная воля». Эта организация стремилась не к немедленному социальному перевороту путем народного восстания, утверждающего новый социалистический строй, а к тому, чтобы с помощью террористических действий принудить царя уступить власть, к политическому перевороту и созыву Учредительного собрания. Кропоткин воздерживался от публичной критики этой программы, но и не мог отождествлять себя с движением, которое преследовало подобные задачи. «О России я больше не думаю, – пишет он Робену в январе 1879 года. – Движение там такое умеренное – как это ни странно, наряду с этими казнями, – я чувствую (и мне все это подтверждает), что там я буду совершенно одинок. Движение конституционное. Нелегальный орган (Земля и Воля) называет себя социалистическим, но протестует только против самодержавия. Я сомневаюсь, чтобы я когда-либо мог присоединиться к этому движению, и я работаю здесь»[775].

И тем не менее из России призывы помочь следовали. 12 мая 1880 года с письмом к Кропоткину обратился один из лидеров «Народной воли», бывший товарищ по кружку «чайковцев» Лев Тихомиров. Он просил помочь народовольцам организацией пропагандистской кампании. «Народная воля» стремилась приобрести в Европе «общественное сочувствие и возможность обессилить правительство международными затруднениями»[776]. Тихомиров призывал Кропоткина «не держаться особенно за принципы», чтобы «сбить против правительства всё, что только может идти против него из-за каких бы то ни было побуждений»[777]. Иными словами – объединить все революционные силы России в единую коалицию – с целью организации массового народного восстания и свержения самодержавия[778].

* * *

Но не только «русские дела» занимали Петра Алексеевича в Швейцарии. После Фрибургского конгресса он с головой окунулся в работу по реорганизации Юрской федерации. «В секциях Севера положение не очень хорошее, – сообщал он в письме Робену. – В Сент-Имье все дезорганизовано. Швиц (Швицгебель. – Авт.) не может приходить на еженедельные собрания... а потому все еле двигается... На Юге, наоборот, работа оживает. В Фрибуре после конгресса образовалась секция человек в тридцать членов, и если бы здесь был хоть кто-нибудь из активных людей, все шло бы чудесно. Здесь, в Женеве, секция уже превышает 40, а вторая секция – 12... До моего приезда здесь ничего не обсуждали, ничего не делали, а скучали... С моим приездом, как только я внес элемент серьезной дискуссии, – все туда приходят в большом числе и с удовольствием». Зато «в Валлоне теперь ничего не делают, ничего! В Шо-де-Фоне – еще меньше. Даже публику не созывают на доклад как следует»[779].

Кропоткин ощущает, что прежняя деятельность федерации уже не дает ожидаемых результатов и необходимо что-то менять в ее работе. К сожалению, «Интернационал был до сих пор и сейчас особенно является обществом для изучения». «Но чем занять этих людей, вот величайший вопрос, – делится он своими соображениями с Робеном. – Дискуссировать, всегда дискуссировать, это в конце концов надоедает, а в области практики что можно сделать?.. Выборы, это нам не подходит... восстания невозможны. Что делать?»[780] Тупик?

Кропоткин надеялся вместе с Бруссом развернуть агитацию в Лозанне, где «старые работники Интернационала оказались во главе движения. На собраниях бывает 200–300 человек». Он рассчитывал также заинтересовать молодежь и тем самым привлечь новые силы, но понимал, что в Швейцарии все слишком спокойно и упорядоченно, а активисты устали, так что главные надежды стоит возлагать на подъем революционного движения во Франции: «Таково наше печальное положение. Поль (Брусс) и я работаем не покладая рук, чтобы что-нибудь сделать. А потом? Нет, движение здесь возобновится только после того, как оно зародится в Париже»[781].

Помимо собраний и митингов, главным средством анархистской агитации оставалась газета L'Avant-Garde, которая держалась в первую очередь благодаря энтузиазму Брусса, Кропоткина и Шпихигера, занимавшегося ее рассылкой. По воспоминаниям Дейча, энтузиазм Петра доходил до того, что во время прогулок он специально спрашивал в газетных киосках L'Avant-Garde, стремясь «побудить торговцев держать и этот орган»[782].

Но и здесь движению вскоре был нанесен тяжелый удар. После публикации в газете статей, оправдывавших покушения на европейских монархов, швейцарское правительство распорядилось в декабре 1878 года запретить издание. Власти обвинили Юрскую федерацию в причастности к террористическим актам, Брусс был арестован и 15 апреля 1879 года отдан под суд в Невшателе. Хотя никаких доказательств участия «юрцев» в подготовке и совершении покушений найдено не было, суд приговорил Брусса к двухмесячному заключению и высылке из Швейцарии сроком на десять лет[783]. Возвратившись во Францию, он через несколько лет перешел на реформистские позиции и стал известен как один из лидеров так называемых POSSIBILISTES – приверженцев действий «в рамках возможного».

После ареста и высылки Брусса Кропоткин остался фактически единственным активным деятелем Юрской федерации. Ему пришлось теперь взвалить на свои плечи всю тяжесть организационных и пропагандистских задач. И с этой работой он справился блестяще.

«Вышло так, что мне, иностранцу, пришлось взять на себя редактирование газеты юрцев, – вспоминал Кропоткин. – Я, конечно, колебался; но так как другого выхода не было, то в феврале 1879 года я с двумя товарищами – Дюмартре и Герцигом – основал в Женеве новую двухнедельную газету "Le Révolté" («Бунтовщик». – Авт.). Большинство статей приходилось мне писать самому»[784]. Первоначально в кассе редакции было всего двадцать три франка, но средства удалось быстро собрать, и газета вышла тиражом в две тысячи экземпляров. Издание имело большой успех, номера быстро расходились, и позднее газета стала выходить еженедельно. Вскоре интерес к ней стали проявлять и читатели на других континентах. Так, русская революционерка Ольга Спиридоновна Любатович (1853–1917) вспоминала, как однажды сияющий от радости Кропоткин встретив ее и Степняка-Кравчинского на улице, крикнул вместо приветствия: «А знаете, у „Révolté“ есть уже подписчик в Буэнос-Айресе»[785]. «Представь, 6-й № рассылали в Женеве 140 человекам, 7-й – уже 170. 30 подписчиков в 5 дней! Продам 5-й и 6-й №№ по 300 экз. Куй железо, пока горячо»[786], – хвастался он в письме своей Софье Григорьевне.

По замыслу Кропоткина и его друзей, «Бунтовщик» должен был стать новаторским изданием, сдержанным, спокойным, даже умеренным по тону, но с явным революционным содержанием. Упор делался не на описание бед, жертв и страданий угнетенных классов или зажигательные призывы, а на пробуждение надежды на приход нового, свободного мира. Самые сложные исторические и экономические проблемы излагались простым и доступным языком. «Революционная газета главным образом должна отмечать признаки, которые всюду знаменуют наступление новой эры, зарождение новых форм общественной жизни и растущее возмущение против старых учреждений... Надежда, а вовсе не отчаяние, как нередко думают очень молодые революционеры, порождает успешные революции», – писал Петр Алексеевич[787].

Издание газеты сопровождалось немалыми трудностями. Владелец типографии, в которой печатали Le Révolté, под давлением властей вскоре отказался это делать. Тщетно Кропоткин объездил всю Французскую Швейцарию: никто не соглашался сотрудничать с ужасными анархистами. В конце концов, по предложению Дюмартре, редакция взяла деньги в долг и открыла собственную «Юрскую типографию» на улице Гротт в Женеве. Одолженные деньги удалось вернуть за счет распространения газеты и пары брошюр, которые все вместе набирали и печатали. Для набора газеты был приглашен наборщик, украинец Кузьма. Кропоткин пытался договориться с контрабандистами о нелегальной переправке газеты во Францию, где она была запрещена, и даже переходил с ними вместе границу, но те все же не рискнули идти на подобный риск. В итоге пришлось отправлять ее по сотне адресов в закрытых конвертах.

Помимо газеты, типография печатала брошюры и книжечки для рабочих, которые были написаны простым, понятным языком и продавались за низкую, вполне доступную цену. Они распространялись тиражом в десятки тысяч экземпляров, доставлялись за границу и переводились на иностранные языки.

Важнейшие статьи-передовицы в *Le Révolté* писал сам Кропоткин. Ему деятельно помогала Софья Григорьевна, с которой он обсуждал все события и задуманные тексты[788].

Позднее Элизе Реклю собрал эти статьи и издал в 1885 году отдельным сборником под названием «Речи бунтовщика». О содержании и направленности текстов говорят сами их названия: «Современное положение», «Разложение государств», «Необходимость революции», «Грядущая революция», «Политические права», «К молодым людям», «Война», «Революционное меньшинство», «Порядок», «Коммуна», «Парижская коммуна», «Аграрный вопрос», «Представительное правительство», «Закон и Власть», «Революционное правительство», «Все социалисты», «Дух восстания», «Теория и практика», «Экспроприация»[789]. Как видим, статьи давали обоснование основным моментам анархистской теории. В последующем они легли в основу более крупных теоретических работ Кропоткина.

Статья «К молодым» стала для многих текстом, вызвавшим глубокие симпатии к анархизму, призвавшим к борьбе против социальной несправедливости. Милли Виткоп-Роккер (1877-1955), активистка еврейского анархистского движения Англии, жена немецкого анархо-синдикалиста Рудольфа Роккера (1873-1958), рассказывала, что она, семнадцатилетняя эмигрантка из России, симпатизировала социал-демократам и лишь под влиянием этого текста изменила свои взгляды в пользу идей Кропоткина: «Трудно описать мое впечатление от прочтения этого огненного призыва. Я почувствовала, что человек, написавший это, говорил от всей души, и почувствовала к нему такое обожание, на которое способна только страсть молодой идеалистки»[790].

«Тысячи и сотни тысяч читали эту брошюру, – вспоминала американская писательница, социалистка Анна Струнская-Уоллинг (1877-1964), – и откликнулись на нее, как ни на что другое в литературе революционного социализма»[791]. На другую американскую социалистку Элизабет Гарли Флинн обращение Кропоткина к молодежи подействовало как стимул к борьбе. Она почувствовала, что автор как будто «говорил с нами там, в нашей убогой нищей квартире в Бронксе»[792].

Не ограничиваясь печатной агитацией, Петр Алексеевич продолжал активно выступать на рабочих митингах и собраниях. «18 марта [1879 года] со стороны международной ассоциации, при участии большой массы любопытствующих, праздновалась годовщина Коммуны и при этом со всех сторон выражалась надежда на ее скорое возрождение. Был зачитан адрес испанских революционных социалистов, который также восхвалял Коммуну. Во всех этих собраниях самое выдающееся участие принимает упомянутый Левашов, который, согласно установленным фактам, идентичен нигилисту-князю Кропоткину», – отмечалось, например, в докладе германской тайной полиции[793]. О периодически проходящих в Швейцарии митингах, на которых выступали Кропоткин и Жуковский, сообщалось и в немецком полицейском отчете в декабре того же года[794].

12 октября в Шо-де-Фоне прошло общее собрание представителей Юрской федерации. Над зданием, где проходили заседания, развевалось красное знамя. Председателем собрания избрали Шпихигера, секретарями – Швицгебеля и художника Гюстава Жаннере (1847-1927). Выступивший перед участниками собрания Кропоткин заявил, что анархистское движение

живо и действует. Он еще раз призвал вести упорную борьбу против концентрации власти в руках государства, за децентрализацию и ликвидацию любой власти человека над человеком. Анархистский идеал, подчеркнул оратор, – самый прекрасный из всех, когда-либо рожденных человечеством[795].

В декабре Петр Алексеевич отправился в новый пропагандистский тур. Выступая в Лозанне, Женеве и Веве, он подверг резкой критике проект швейцарского фабричного закона, который был вынесен на референдум. Анархист объяснял, что фабричное законодательство не в состоянии действительно защитить рабочих от эксплуатации, поскольку капиталистическое общество всегда состоит из паразитов, пользующихся плодами чужого труда, и тех, кто вынужден на них работать, – из эксплуататоров и эксплуатируемых, и первые пишут законы для вторых. Поэтому работники должны объединиться и вместе противостоять эксплуататорам, а не возлагать надежды на их законы[796].

* * *

1880-й стал для Кропоткина и его товарищей еще одним годом лихорадочной активности. Стачка граверов и часовщиков Шо-де-Фона, сгруппировавшихся вокруг «кассы сопротивления», которая была создана некогда при поддержке Юрской федерации, вдохнула надежды на новую волну рабочего движения. Стали возникать новые профессиональные объединения трудящихся. Тем настойчивее и энергичнее анархисты старались распространять свою агитацию.

9 января 1880 года власти Женевы распорядились о высылке Кропоткина из Женевского кантона (это решение было официально отменено после протестов 23 августа того же года)[797]. В это же время в печати разных стран появляются статьи с ложными обвинениями Кропоткина в подготовке покушения на Александра II. Так, в 1880 году «русская печать цитировала венскую газету „Abendpost“, которая сообщила, что подробный план Зимнего дворца был найден германской полицией у проживающего в Женеве князя Кропоткина»[798], – пишет историк Юлия Софронова, упоминая публикацию в газете «Петербургский листок» от 16 февраля 1880 года. Никаких оснований эти «новости» не имели. Да и вряд ли германская полиция могла себе позволить столь беспрепятственно обыскивать дома и квартиры иностранцев, проживавших на территории Швейцарии.

О причинах появления таких «новостей» отлично сказал Степняк-Кравчинский: «В заграничной печати Кропоткина до сих пор продолжают иногда называть главою и руководителем русского революционного движения. Одно время такое представление было всеобщим. Обыкновенная публика, черпающая свои понятия о заговорах из лубочных романов, не может вообразить себе заговорщического движения без подпольного диктатора и, не зная никого из людей, действующих в России, естественно, хватается за первое выдающееся имя, – конечно, среди эмигрантов»[799].

В это трудное время поддержку Кропоткину оказал Элизе Реклю, который пригласил его приехать к нему в Кларан (кантон Во), чтобы помочь в составлении тома по географии Азиатской России. Петр Алексеевич принял это предложение, тем более что его жена была

нездорова и «врачи велели ей немедленно оставить Женеву с ее холодными ветрами». Весной супруги перебрались в Кларан. «Мы поселились под Клараном, в маленьком домике, с видом на голубые воды Лемана и на белоснежную вершину Дан-дю-Миди, – вспоминал Кропоткин. – Под окнами журчала речка, превращавшаяся после дождей в ревущий поток, ворочавший громадные камни и вырывавший новые русла. Против нас, на склоне горы, виднелся старый замок Шатлар...»[800]

Оставаясь в Кларане, Петр Алексеевич совмещал работу над географическими материалами с написанием статей для газеты Le Révolté, к сотрудничеству в которой привлек и Реклю. Он находился в постоянном контакте со швейцарскими рабочими и рабочими-эмигрантами. Не забывали «юрцы» и о международной солидарности. Кропоткин передал пять тысяч франков в поддержку издания газеты Freiheit («Свобода»), которую начал выпускать все более склонявшийся к анархизму немецкий социалист Йоганн Мост (1846–1906)[801]. А 29 ноября Петр Алексеевич, вместе с Жуковским и Верой Засулич, принял участие в крупном митинге в Женеве по случаю пятидесятилетия Польского восстания 1830 года, на который собралось около пятисот человек из разных стран[802].

9 и 10 октября Юрская федерация собрала свой конгресс в Шо-де-Фоне. В «часовую столицу» Швейцарии приехали делегаты из Сонвилье, Сент-Имье, Невшателя, Поррентрюи, Фрибура, Женевы, Лозанны, Шо-де-Фона и округа Куртелари. Собрались самые видные активисты движения: Кропоткин, Реклю, Кафиеро, Швицгебель, Шпихигер, Пэнди... Главной темой для дискуссий стал вопрос о программе, который обсуждался «юрцами» уже на протяжении нескольких лет[803].

Как вспоминал позднее Кропоткин, Женевская секция федерации вместе с Элизе Реклю планировала добиться от конгресса признания анархистского коммунизма как цели анархистской борьбы. Предложение было выработано после долгих дискуссий между ним, Герцигом и Дюмартре. Петр Алексеевич написал Реклю и Кафиеро, попросив их поддержать эту идею, и те откликнулись с энтузиазмом[804].

Швицгебель предложил конгрессу свою «Социалистическую программу», которая была основана на идеях старого коллективистского анархизма. Но Кропоткин, Реклю, Кафиеро и другие делегаты раскритиковали ее, доказывая необходимость принятия анархистского, безгосударственного коммунизма. Доводы Кафиеро были опубликованы затем в виде статьи «Коммунизм и анархия» в Le Révolté в номерах с 13 по 27 ноября 1880 года[805].

Докладчик провозгласил соединение принципов коммунизма (экономического равенства) и анархии (свободы человека), поскольку они, заявил он, логически взаимосвязаны, дополняют друг друга и вытекают друг из друга. Это два условия, совершенно необходимые для настоящей социальной революции. «Мы хотим свободы, то есть анархии, и равенства, то есть коммунизма», – провозгласил итальянский революционер. Ведь анархия – это отрицание любой власти, любого авторитета, любого государства, и она не допустит восстановления власти после революции. Место государства займут «полная и безраздельная свобода индивида, который, свободно и руководствуясь исключительно своими нуждами, вкусами и симпатиями, соединяется с другими индивидами в группу или ассоциацию». «Такие ассоциации смогут затем свободно федеративно соединяться друг с

другом в коммуны или квартал, те – в регион, регионы – в страну, а страны – в человечество». Коммунизм же – это «завладение, от имени всего человечества, всем богатством, имеющимся на Земном шаре. В будущем обществе коммунизм станет пользование всем имеющимся богатством всеми людьми и в соответствии с принципом: "От каждого по его способностям, каждому по его потребностям", то есть: "От каждого и каждому по его воле"»[806]. Экономически это возможно и даже необходимо, ибо при современной форме организации производства невозможно отделить результат труда одного человека от того, что было сделано другими и даже предшествующими поколениями!

Каффиери полностью отверг идеи как революционной власти авторитарных коммунистов, так и групповой собственности коллективистов: «Хорошеньким делом было бы разрушить государство, чтобы заменить его множеством маленьких государств!»[807] Нет, все имеющееся богатство должно принадлежать всему народу в целом.

Для Кропоткина конгресс в Шо-де-Фоне стал настоящим звездным часом. Он произнес блестящую речь, в которой убедительно и ясно продемонстрировал различия между анархистским, либертарным социализмом и социализмом реформистским, демократическим и умеренным[808]. В докладе «Анархистская идея с точки зрения ее практической реализации» он провозгласил принцип обобществления собственности на средства и продукты человеческого труда и на добровольной федерации вольных самоуправляющихся коммун, получив поддержку большинства делегатов. Социальная революция в форме интернационального восстания должна была носить экономический характер, переходя к прямому и непосредственному захвату собственности, капиталов и средств производства в рамках местных коммун; федерация коммун и ассоциаций свободных производителей становилась основой реорганизации общества. Новая форма организации жизни, производства и обмена возникнет неминуемым образом, вначале в ограниченном виде, а затем будет непрерывно распространяться путем проб и ошибок.

Этот идеал анархистского коммунизма, окончательно сформировавшийся у Петра Алексеевича за годы деятельности в Юрской федерации, после обсуждений с французскими коммунарами, Реклю и товарищами из Италии, он позднее выразил в таких четких строках: «Мы замечали, что среди культурных наций зарождается новая форма общества на смену старой: общество равных между собою. Члены его не будут более вынуждены продавать свой труд и свою мысль тем, которые теперь нанимают их по своему личному усмотрению. Они смогут прилагать свои знания и способности к производству на пользу всех; и для этого они будут складываться в организации, так устроенные, чтобы сочетать наличные силы для производства наивозможно большей суммы благосостояния для всех, причем в то же время личному почину будет предоставлен полнейший простор. Это общество будет состоять из множества союзов, объединенных между собою для всех целей, требующих объединения, – из промышленных федераций для всякого рода производства: земледельческого, промышленного, умственного, художественного; и из потребительских общин, которые займутся всем касающимся, с одной стороны, устройства жилищ и санитарных улучшений, а с другой – снабжением продуктами питания, одеждой и т. п.

Возникнут также федерации общин между собою и потребительных общин с производительными союзами. И наконец возникнут еще более широкие союзы, покрывающие всю страну или несколько стран, члены которых будут соединяться для удовлетворения экономических, умственных, художественных и нравственных потребностей, не ограничивающихся одною только странюю. Все эти союзы и общины будут соединяться по свободному соглашению между собою...

Развитию новых форм производства и всевозможных организаций будет предоставлена полная свобода; личный почин будет поощряться, а стремление к однородности и централизации будет задерживаться. Кроме того, это общество отнюдь не будет закристаллизовано в какую-нибудь неподвижную форму: оно будет, напротив, непрерывно изменять свой вид, потому что оно будет живой, развивающийся организм. Ни в каком правительстве не будет тогда представляться надобности, так как во всех случаях, которые правительство теперь считает подлежащими своей власти, его заменит вполне свободное соглашение и союзный договор; случаи же столкновений неизбежно уменьшатся, а те, которые будут возникать, могут разрешаться третейским судом»[809].

Кропоткин вспоминал, что перед конгрессом сторонники анархистского коммунизма не были уверены в победе. Швицгебель отстаивал свою программу, Пэнди опасался, что французские анархисты не примут коммунизм, отождествляя его с казармой. Но в итоге конгресс признал целью анархистского движения вольный, безгосударственный, анархистский коммунизм[810]. Помимо теоретических вопросов, конгресс в Шо-де-Фоне обсудил взаимодействие с рабочим движением, выступив за объединение рабочих союзов и их совместную борьбу за свои интересы и свободное будущее. Съезд закончился в атмосфере подъема и надежд, под пение революционных песен.

Курс на анархистский коммунизм был подтвержден в ноябре на конгрессе французских анархистов в Гавре. По предложению Кана, которое поддержали Туссен Борда (1854-?), Эмиль Готье (1853-1937) и Габриэль Молен, делегаты утвердили в качестве цели движения «либертарный» (то есть вольный) коммунизм[811]. С этого момента анархический коммунизм становится основным, магистральным течением анархистского движения.

* * *

В Женеве, где он поселился в доме № 17 по улице Рут-де-Каруж, Кропоткин по-прежнему еле сводит концы с концами, но не теряет энтузиазма. «Я теперь принимаюсь усиленно работать для русских журналов, чтобы зарабатывать чем жить, – пишет он Лаврову, – все это время, с тех пор как кончил с Реклю, приходилось работать для дел партии, и я почти ничего не заработал...»[812] «Мои дела настолько плохи теперь и в Женеве такое безденежье...»[813] – жалуется он. Спасали переводы, которые заказывали различные издательства. «Затем, я теперь ежедневно, по ночам, сижу над переводом романа и ищу чего-нибудь такого для статьи по естествознанию. Люлька, ты знаешь, что я находчив, я верю в свои силы; до сих пор умел выпутываться из худших условий. А вера – сила»[814], – писал он жене в мае 1879 года.

Приходилось хвататься обеими руками за предложенные тексты, лишь бы они были. И идти на самые разные ухищрения. Дейч вспоминал, как однажды Кропоткин получил заказ на перевод с испанского языка, но одновременно, в те же сроки, был вынужден переводить большой текст для другого издателя. Второе предложение было куда выгоднее первого, и отказаться от него при хроническом безденежье было невозможно. Выручить друга вызвался Степняк-Кравчинский. Одна беда – он не знал испанского. Но спасли авантюристические наклонности. Между друзьями состоялся забавный диалог:

– Да разве ты знаешь испанский?

– Нет, не знаю, но у тебя, вероятно, имеется какой-нибудь испанско-французский или испанско-итальянский словарь[815], а также грамматика. При помощи этих пособий я переведу с испанского так же свободно, по прошествии недели, как со всякого другого, мне знакомого: при знании двух романских языков, я полагаю, это нетрудно[816].

«Каково же было его удивление, а также и всех нас, присутствовавших при этом разговоре, – вспоминал Дейч, – когда Сергей день в день окончил работу и, по признанию Петра Алексеевича, перевод оказался безукоризненным»[817].

И все же он оставался гостеприимен и добр к друзьям, как бы ни было пусто в кармане. Всегда готов угостить их. «А впрочем, Люба, дай-ка нам по стакану кофе, а то у меня в горле пересохло». – И Люба, т. е. Вера, сожительница Кропоткина, которая на него чуть не молится, дает нам кофе, что заставляет мое сердце сжаться, ибо я знаю, что это, может быть, на последние деньги»[818], – вспоминал Венюков о своем визите на квартиру Кропоткиных в Женеве. Но, конечно, кофе готовила не Люба и не Вера, а сама Софья Григорьевна.

* * *

Наступил 1881 год – год, когда Петру Алексеевичу было суждено покинуть Швейцарию. После недавнего, пусть и отмененного, решения властей Женевы о его высылке Кропоткин понимал, что тучи сгущаются. Но, проигнорировав мнение властей, он по-прежнему со всей страстью продолжал агитационную деятельность, чем еще больше привлекал к себе внимание врагов. «Очень уж норовят меня выгнать», – сообщает он Лаврову[819].

12 февраля, 13 марта, 18 марта (в годовщину Парижской коммуны) и 6 апреля Юрская федерация провела серию собраний и банкетов с участием швейцарских рабочих и революционных эмигрантов. Германская полиция отмечала активное участие в мероприятиях Кропоткина и Жуковского. 15 мая прошел крупный интернациональный митинг в Монтрё, на котором обсуждалось взаимодействие революционеров из различных стран[820]. Превращение Швейцарии в «штаб-квартиру» европейских радикалов все больше беспокоило власти Старого континента. Но непосредственным поводом для удара по бунтовщикам стали события в России.

13 марта 1881 года (1 марта по принятому тогда в России календарю) членам «Народной воли» удалось после ряда попыток убить императора Александра II. Надежды заговорщиков на то, что перепуганное царское правительство пойдет на уступки и перейдет к конституционным реформам, как и следовало ожидать, провалились. «Народовольческая» организация была разгромлена, ее лидеры отданы под суд. 15 апреля (3 апреля по российскому календарю) пятеро организаторов покушения – Андрей Иванович Желябов (1851–1881), бывшая соратница Кропоткина по Большому обществу пропаганды Софья Львовна Перовская, Николай Иванович Кибальчич (1853–1881), Трофим Михайлович Михайлов (1859–1881) и Николай Иванович Рысаков (1861–1881) – были повешены.

Несмотря на разногласия с «Народной волей» и неприятие ее политических планов, Кропоткин немедленно взял покушавшихся под защиту. «Надо возбудить общественное мнение Европы против русского царя», – писал он Лаврову, выражая надежду, что акции солидарности будут организованы также в Лондоне, Париже и других местах[821].

Редактируемая Петром Алексеевичем газета *Le Révolté* сообщала 13 марта, что смерть царя была встречена во Франции и в Женеве с «неподдельной радостью»: «Что бы теперь ни было, один факт бесспорен: событие 13 марта стало огромным шагом для будущей революции в России, и те, кто его совершил, позаботятся о том, чтобы кровь мучеников не была пролита напрасно»[822].

Событие придало импульс и движению в Швейцарии. Выступая 18 марта на собрании по случаю годовщины Парижской коммуны в пивной «Шифс» в Женеве, Кропоткин назвал Николая I тираном, действовавшим методами железа и крови, а Александра II – иезуитствующим деспотом. Среди ораторов были Жуковский, Герциг, Перрар и Драгоманов. Участники митинга выразили веру в скорую революцию в России и приняли резолюцию, в которой говорилось: «Принимая во внимание, что Александр II, которого всемирная буржуазия представляла как освободителя русского народа, не отличился за все время своего правления ничем, кроме убийств, повешений и ссылок, среди прочего, 70 тысяч поляков, группа швейцарских трудящихся заявляет, что Александр-Вешатель вполне заслужил смерти, которую ему причинили русские социалисты»[823]. На митинге присутствовало от пятисот до шестисот человек – «неслыханная цифра за последние годы», сообщил Кропоткин Лаврову[824].

21 апреля в Женеве по инициативе Петра Алексеевича была распространена листовка с протестом против казни «народовольцев». Осудив казнь одной женщины, Перовской, и вынесение смертного приговора другой, Гесе Мировне Гельфман (1855–1882), а также повешение Михайлова, несмотря на то что надетая на него веревка оборвалась, авторы прокламации объявили, что не желают своим молчанием превратиться в «соучастников» пыток и казней: «Мы намерены выразить наше возмущение и не сомневаемся в том, что в Швейцарии поднимутся самые живые протесты против такого возвращения к варварству минувших веков». Текст подписали швейцарская секция Интернационала, кружок «Молодежь», кружок социальных исследований Женевского университета, пропагандистская секция Интернационала, общество механиков, женевское общество Немецкого революционного союза, председатель общества столяров, редакция *Le Révolté* и представители изданий *Tocsin* и *Réveil*[825].

До этого дня, еще 17 апреля Кропоткин отправил Петру Лаврову письмо с предложением поддержать его усилия и организовать в Париже кампанию протеста против смертной казни Гельфман, в это время ждавшей ребенка. Он предлагал Лаврову обратиться за помощью к великому французскому писателю Виктору Гюго[826]. «Надо спасти Гельфман от этой пытки!! Надо возбудить обществ[енное] мнение Европы против русского царя»[827], – писал он. Гюго присоединился к кампании и даже посвятил стихотворение Гесе Гельфман. В конце апреля в Женеве анархисты при участии Кропоткина выпустили брошюру, посвященную Софье Перовской[828].

30 апреля газета Le Révolté почтила память казненных и провозгласила, что «история впишет эти имена в ряд легендарных героев, и долго еще юноша и девушка, услышав эти боготворимые имена, будут вдохновляться лучшими чувствами самопожертвования и безграничной самоотверженности, без которых человечество еще долго было бы погружено в самое мрачное варварство». Редакция оповестила о намерении выпустить специальную брошюру «Правда о казнях в России»[829].

Кампания солидарности с «народовольцами», развернутая Кропоткиным в Швейцарии, разъярила власти конфедерации и местную прессу. Но еще большие опасения внушали правительствам Европы усилия по возрождению Интернационала.

Проект созыва в Лондоне международной конференции для этой цели был поддержан многими анархистами и революционными социалистами, однако отвергнут социал-демократическими партиями. В преддверии съезда Кропоткин активно обсуждал вопрос о стратегии и организации мирового революционного движения с Кафиеро и Малатестой. В письме к ним, написанном в феврале, Петр Алексеевич призывал учесть уроки Парижской коммуны: революция – это не милитаризм, не чисто военная борьба обученных армий, какими бы прекрасными планами сражений те ни располагали. Революция – это дело широких масс, которые жизненно заинтересованы в ней, готовы и могут принимать в ней самое активное участие, хотят и будут за нее сражаться[830].

Подготовка трудящихся масс к революции, настаивал Кропоткин, возможна только через их экономическую борьбу против капиталистов и помещиков, за свои непосредственные интересы, а не через покушения и политическую борьбу с властью, как это делает «Народная воля». Кропоткин был убежден, что народники забыли заветы Бакунина о том, что недостаточно устранить царя, нужно бороться с помещиками и поднимать крестьянские восстания. Объясняя свою позицию в беседах с Кафиеро – сторонником действия небольших подпольных групп – и в переписке с находившимся в Лондоне Малатестой, Петр Алексеевич пояснял: «Если социалистическая партия бросится исключительно в убийство жандармов и ведение войны с правительством, будущая революция снова станет бойней, мало полезной для народа, тогда как я твердо убежден в том, что если ядро из людей решительных, людей действия... твердо продолжит подготовку экономической борьбы, то будущая революция будет сопровождаться актами социальной революции, ликвидации индивидуальной собственности»[831].

Петр Алексеевич испытывал известный скептицизм в отношении организаторов лондонского конгресса: он считал группу из Бельгии, которая выдвинула идею его проведения,

«бланкистами», сторонниками заговоров, а выбранное место проведения – Лондон – чересчур удаленным. Кропоткин опасался, что силы анархизма окажутся слишком неподготовленными и неорганизованными и не смогут противостоять влиянию сторонников Маркса на широком съезде, где будут представлены различные социалистические течения. Юрская федерация изолирована, а на ожидавшиеся им революционные события в Ирландии и России анархисты не смогут повлиять. Ему самому трудно будет поехать в Лондон, поскольку он слишком занят изданием газеты и работой, писал он Малатесте.

Для координации будущих революционных усилий в таких странах, как Италия, Франция, Испания и Германия, Кропоткин предлагал создать две параллельные организации – «одну открытую, широкую» и «другую тайную, для действия». Они должны были действовать согласованно, но разделить свои тактические задачи. Тем самым он бы возвращался к старой идее Бакунина, его Альянсу социалистической демократии, вокруг которого затем создавалась сеть массовых профессиональных рабочих союзов. «Тайная организация может быть делом весьма ограниченных групп...» Широкая же организация, писал Кропоткин, «должна была бы стать организацией сопротивления, стачек, то есть Международной ассоциацией трудящихся, никоим образом не занимаясь политикой», но проводя экономические забастовки, а в «великий день» революции – организуя экспроприацию капиталистической и государственной собственности. Такой «воссозданный Интернационал» виделся Кропоткину в виде международной ассоциации рабочих обществ сопротивления, то есть профсоюзов – в виде «стачечного Интернационала». Под его флагом смогли бы объединиться рабочие массы, не вошедшие в тайные группы. Ведь «забастовка больше не является войной со сложенными руками. Правительство постоянно занимается тем, что превращает ее в бунт. С другой стороны, тайные группы занялись радикальными акциями в поддержку борьбы рабочих («рабочим заговором»): вывести из строя фабрику на время стачки, «утихомирить» хозяина или прораба и т. д. и т. д. Такие действия Кропоткин считал самым эффективным методом пропаганды. Он предложил образовать тайную организацию на основе бывших членов бакунинских тайных обществ, включая самого Кропоткина, Малатесту, Кафиеро, Швицгебеля, Пэнди, Гарсия Виньяса и Гонсалеса Мораго. К ним предполагалось добавить новых, молодых активистов, способных к действию и секретной работе. Кропоткин не считал нужным обсуждать это на конгрессе в Лондоне, предлагая воссоздать там Интернационал и не допустить образования очередного варианта централизованной структуры в духе Маркса или Бланки[832].

Ведь важно добиться того, чтобы движение находилось под влиянием анархистов. Поэтому Петр Алексеевич считал бессмысленной выдвинутую Малатестой идею создания, помимо тайной и открытой организаций, еще и «Революционной лиги», в которую могли бы войти не только анархисты, но также другие революционные социалисты[833].

Несмотря на сомнения, Кропоткин 10 июля отправился в Париж, а оттуда – в Лондон для участия во всемирном «социально-революционном конгрессе», который, как и было запланировано, открылся в британской столице 14 июля – в символическую годовщину взятия Бастилии и начала Великой Французской революции. Внешне он ничем не напоминал русского князя из знатнейшей фамилии. Агенты французской полиции описывали его как человека, который выглядел старше сорока лет: «...очень высокий, но не слишком плотный, одетый несколько грязновато, как еврейский торговец; в измятой шляпе, неопрятный, с

длинной, пышной бородой, но почти лысой головой. Он носит очки, и три-четыре его передних зуба почернели и как будто сломаны»[834].

Конгресс собрал весьма пеструю группу активистов. По официальным данным, которые были опубликованы в *Le Révolté*, сорок пять его делегатов представляли шестьдесят федераций и пятьдесят девять групп или секций. Среди них были делегат организационного комитета, пятнадцать человек из Великобритании (включая проживавших там эмигрантов), одиннадцать – из Франции, четверо – из США, трое – из Бельгии, по двое – из Испании, Италии, Германии и Швейцарии и по одному – из Нидерландов, Сербии и Мексики. Итальянец Малатеста представлял также секции из Стамбула и Египта, которые объединяли местных итальянских рабочих. Кропоткин был делегатом от *Le Révolté* и социально-революционной группы из Лиона. Россию представлял руководитель «Славянского клуба» в Лондоне Николай Чайковский, бывший член Большого общества пропаганды[835].

Конгресс проходил в обстановке секретности. «Чтобы отвлечь внимание властей, была принята установка о том, что место собраний для каждого заседания будет меняться, а участники будут называться не своими именами, но обозначаться номерами, – докладывала германская политическая полиция. – В ходе заседаний было констатировано общее согласие в том, что эксплуатации работников тиранами должен быть положен конец любыми средствами, что слов сказано было уже достаточно и пора переходить к делу»[836]. Ораторы, среди которых особенно выделялись Малатеста, знаменитая французская анархистка Луиза Мишель (1830–1905) и делегат из Северной Америки, анархистка Мэри Леконт, «говорили иногда с такой яростью, что даже многие члены пропагандистских клубов, привыкшие к подобным речам на их собственных собраниях, перепугались и покинули заседание»[837].

Не менее различными, чем сами собравшиеся, были те представления, которые они собирались отстаивать на конгрессе. Испанцы настаивали, что Интернационал продолжает существовать и необходимо лишь оживить и активизировать его. Об идеях Кропоткина и Малатесты на сей счет мы уже упоминали. Существовала и тенденция к тому, чтобы создать фактически новую международную организацию, пусть даже под старым названием.

Заседания проходили с 14 по 19 июля. Испанские делегаты предложили, чтобы право голоса было предоставлено только федерациям, но в конце концов участники договорились о том, что голосовать на конгрессе по процедурным вопросам смогут присутствующие делегаты, а все остальные подлежат утверждению со стороны представленных организаций. Фактически съезд отказался от принятия решений, обязательных для выполнения на местах, ограничившись определением «общей линии». Вопросы, связанные с созданием тайных или иных организаций, необходимых для торжества революции, были предоставлены инициативе отдельных групп[838].

Делегаты из различных стран рассказали о состоянии и перспективе революционного движения, по-разному расставляя акценты. 15 июля начались содержательные дискуссии о программе, тактике и форме организации. Малатеста выступил с предложением реорганизовать МАТ на основе двойной структуры – массовой организации и тайных «групп

действия», которые также могли бы объединяться в федерации и ориентироваться на силовые действия. Испанец Фигерас подчеркнул важность профсоюзной работы и уточнил, что в рамках рабочих ассоциаций по профессиям в его стране уже действуют тайные боевые группы. Со своей стороны, итальянец Саверио Мерлино (1856–1930) возражал против ориентации на профсоюзную деятельность и экономическую борьбу. Социальный вопрос не сводится к рабочему вопросу, заявил он, к тому же в Италии многие группы состоят не из рабочих, а из студентов и интеллигенции. Мерлино предложил переименовать международную организацию в «Интернациональную социалистическую революционную ассоциацию» и принимать в нее тех, кто согласен с принципом «пропаганды действием». Кроме того, он выступил против определения анархистского коммунизма в качестве цели, утверждая, что цель определится в ходе самой борьбы. В противовес ему Кропоткин настаивал на том, чтобы заранее сформулировать и выдвинуть анархистскую революционную программу, что позволит трудящимся с самого начала революции перейти к обобществлению собственности и самоуправлению в коммунах. Для этого и необходима уже сейчас мощная организация трудящихся, убеждал он[839].

Петр Алексеевич подчеркнул, что агитация должна направляться не на тех, кто уже является анархистом, а на тех, кто проявляет интерес к движению, и здесь большую роль могут сыграть газеты и брошюры. Мнение о том, что профессиональным союзам в ходе революции предстоит захватить в свои руки средства производства, поддержал и делегат от строителей Барселоны.

Делегат от Юрской федерации заявил, что групп и федераций в отдельных странах недостаточно – необходимо объединить угнетенных всего мира в международный союз автономных групп, ассоциаций и профсоюзов. При этом каждая группа могла бы организоваться и строиться по своему усмотрению; для вступления в интернациональное объединение достаточно было бы признания необходимости свержения существующего строя. Представитель федерации подчеркнул недопустимость любого участия в политике, заявил о значении забастовок как средства борьбы, которому следует пытаться придать революционный характер. Как он, так и Кропоткин высказались за усиление пропагандистской работы среди крестьян, издание соответствующих брошюр и листовок. Это, по их мнению, должно было позволить избежать тех проблем во взаимоотношениях революционных рабочих с крестьянами, какие проявились во время Парижской коммуны[840].

Подводя итоги дискуссии, Малатеста предложил, чтобы в международное объединение входили все группы, которые разделяют ее принципы, сохраняя при этом собственные организационные структуры. Он высказался также за принятие идеи анархистского коммунизма. В конце концов большинство делегатов (кроме Мерлино) проголосовали за сохранение названия Первого Интернационала – Международная ассоциация трудящихся. Вопрос о структуре международной организации обсуждался на заседании 17 июля. Специально созданная комиссия предложила учредить корреспондентское бюро для связи между группами, входящими в Интернационал. Многие французские делегаты возражали, опасаясь концентрации полномочий в руках нового органа. Но Кропоткин пояснил, что речь идет только о своего рода «почтовом ящике» для обмена информацией, поскольку сотни групп из разных стран просто погрязнут в переписке, если будут поддерживать

исключительно прямые контакты друг с другом. В итоге большинство делегатов поддержали создание такого бюро, и 19 июля оно было избрано в составе Малатесты, немецкого эмигранта Йоханна Себастиана Трунка (1850–1933) из социал-демократического клуба трудящихся на Роуз-стрит (позднее анархиста) и Николая Чайковского из лондонского «Славянского клуба». Бюро должно было размещаться в помещениях клуба на Роуз-стрит в Лондоне. При этом оговаривалось, что группы будут поддерживать друг с другом и прямые контакты[841].

Делегаты одобрили сделанное от имени комиссии предложение Малатесты о том, что в международную организацию могут входить любые группы, разделяющие ее принципы. При обсуждении ее структуры Кропоткин попытался добиться решения о проведении регулярных конгрессов, как это было в Первом Интернационале. Но большинству участников это не понравилось: им претила чересчур жесткая, по их мнению, организация. В результате было решено предоставить проведение следующего конгресса инициативе групп и федераций, входящих в международную ассоциацию[842].

Лондонский конгресс формально восстановил Интернационал. Более того, он подтвердил принципы и «федеративный пакт» МАТ, принятые на Женевском конгрессе 1866 года, с поправками, внесенными в 1873-м. Была добавлена лишь одна оговорка: упоминание «нравственности» в уставе («Интернационал и все входящие в него общества и лица принимают истину, нравственность и справедливость основой своих отношений к людям») следует понимать не в смысле принятия буржуазной морали, а как констатацию «безнравственности» существующего общества. Подлинная нравственность утвердится лишь после того, как старое общество будет уничтожено «всеми доступными средствами». Провозглашался также отказ от парламентской политики в любой форме.

Обсуждению подпольной революционной работы были посвящены дискуссии последнего дня заседаний конгресса, 19 июля. Многие участники находились под впечатлением недавнего успешного покушения на русского царя. В такой атмосфере американец Эдвард Натан-Ганц поставил вопрос о необходимости «изучения химических и электрических наук» – иными словами, об изготовлении бомб и взрывчатых веществ и обучению обращения с ними. Он призвал «социальных революционеров» научиться этому делу, а также пройти военную подготовку в целом. Иными словами, речь шла о том, чтобы анархисты перешли к более широкому использованию методов покушений в отношении власть имущих[843]. В том же духе – и даже еще более резко – высказался бельгиец Серро, приравнявший покушения и взрывы к «пропаганде действием» и почти истерически восхвалявший насилие.

Кропоткин не был принципиальным противником таких методов, как покушения, и даже нередко оправдывал их, но считал подобные действия и акты скорее чем-то второстепенным и индивидуальным. В статьях, посвященных «бунтарскому духу», которые были им написаны до конгресса, Кропоткин фактически выражал неприятие одержимости бомбометанием[844].

Выступая в дебатах на конгрессе, Петр Алексеевич подчеркнул, что изучение химии и электрического дела – вообще не такое легкое занятие, и знаний в этой сфере не получить в ходе нескольких уроков или чтения инструкций. Революционные группы не должны

превращаться в кружки по изучению химии, и, если взрывчатые вещества необходимы, их должны изготавливать те, кто работает на химических фабриках. Что же касается обучения военному делу, то для революции важна не военная подготовка, а революционный энтузиазм масс[845]. Особое раздражение у Петра Алексеевича вызывал Серро, которому он не доверял – и, как выяснилось, не напрасно! Известно, что Кропоткин назвал проекты резолюций, предложенных Серро, «ужасными» и отказался предоставить ему адреса зарубежных анархистов[846]. Как выяснилось, тот оказался полицейским провокатором.

Тем не менее большинство делегатов в той или иной степени разделяли энтузиазм в отношении использования методов того, что мы назвали бы сегодня «городской партизанской войной». Немецкий участник Бальтазар Хон (1850–1937) предложил даже публиковать инструкции по изготовлению взрывчатки и бомб в революционной прессе[847]. И это действительно стало делаться в последующие годы, а Йоганн Мост даже выпустил целую книжку под названием «Наука революционной войны».

Резолюции, принятые на Лондонском конгрессе о деятельности восстанавливаемого Интернационала, носили рекомендательный характер. В них указывалось, что настало время переходить от слов и заявлений к делам и дополнить устную и печатную пропаганду «пропагандой действием» и повстанческой деятельностью. С этой целью участникам МАТ было рекомендовано распространять в массах революционные идеи и дух бунтарства, объясняя иллюзорность разрешенных законом конституционных методов. В резолюции говорилось о необходимости нелегальной работы, возможности создания подпольных изданий, развертывании деятельности среди сельских тружеников и т. д. Поскольку технические и химические науки уже послужили делу революции и могут послужить ему в будущем, заявили делегаты Лондонского конгресса, он рекомендует организациям и членам МАТ обратить особое внимание на теорию и практику этих наук для оборонительных и наступательных целей[848].

Завершившийся 19 июля конгресс вряд ли принес Кропоткину удовлетворение. Интернационал был воссоздан лишь формально. Его структуры работали только на бумаге. В сохранении МАТ на основе рабочего движения были, по сути, заинтересованы лишь анархисты Испании, которые в сентябре 1881 года реорганизовались в Федерацию трудящихся Испанского региона. Через год в ней состояли уже сорок девять с половиной тысяч членов[849]. В остальных странах активисты все больше предпочитали полную автономию групп, с координацией деятельности лишь по мере надобности. Что касается тактики борьбы и методов действий, то Петра Алексеевича, убежденного сторонника массовых действий, не могло не смущать растущее увлечение «бомбизмом», заговорами и «вспышкопускательством». Тем не менее оставалось работать с тем, что есть.

* * *

После окончания конгресса Кропоткин оставался в Лондоне еще несколько недель, поселившись в центре города, в доме № 6 по Юстон-Гроув, неподалеку от Юстонского вокзала и Британской библиотеки, где можно было заниматься. Он энергично разъяснял британскому обществу ситуацию в России, где после того, как был убит Александр II,

поднималась новая волна репрессий. С помощью Келти и женевского корреспондента The Times он установил контакт с редактором Newcastle Cronicle Джозефом Коуэном и смог печатать в этой газете статьи о том, что происходило на родине. Также он сотрудничал в Fotrnightly Revue и Pall Mall[850]. 17 августа он отправился в Париж, а оттуда – назад в Швейцарию. Но там его уже поджидал «сюрприз», не столь уж, впрочем, неожиданный.

Деятельность Петра Алексеевича в Лондоне, по всей видимости, еще больше разозлила швейцарское правительство, и так уже с растущим неудовольствием взиравшее на активность русского эмигранта-анархиста. 23 августа 1881 года Федеральный совет принял решение запретить ему пребывание на территории Швейцарии, ссылаясь на 70-ю статью конституции, в которой говорилось о высылке иностранцев, угрожающих «внутренней или внешней безопасности Конфедерации». Приказ покинуть территорию страны был вручен ему вскоре после возвращения из Лондона. В качестве обоснования для такого обвинения приводились аргументы о том, что Кропоткин, получив убежище в стране под фальшивым именем Левашова, в издаваемых им газетах и выступлениях перед рабочими подстрекал людей к захвату чужой собственности и низвержению существующего порядка. Припомнили ему власти также речи и воззвания в поддержку «народовольцев», убивших русского царя, и активное участие в Лондонском конгрессе. Пусть все это не смогло нарушить внутреннее спокойствие самой Швейцарии, заявляли власти, но привело к ухудшению ее отношений с другими странами и, соответственно, не может быть терпимо[851].

«Я только что приехал к жене, которая жила тогда в горах недалеко от Элизе Реклю (в Шезиере. – Авт.), – вспоминал Кропоткин, – когда мне предложили покинуть Швейцарию». На несколько дней он вернулся в Женеву, где сдал квартиру, разобрал книги и бумаги. «Мы отправили наш небольшой багаж на ближайшую железнодорожную станцию, а сами пошли пешком в Эгль, наслаждаясь в последний раз видом на горы, которые мы так любили. Мы перебрались через горы напрямки и много смеялись, когда убеждались, что „прямой путь“ заставлял нас делать большие обходы. Наконец мы спустились в долину и пошли по пыльной дороге... Жена моя собиралась сдавать в Женевском университете последние экзамены на степень бакалавра естественных наук. Поэтому мы поселились в маленьком французском городке Тононе, лежащем на савойском берегу Женевского озера, где и прожили месяца два»[852].

С какими чувствами покидал 30 августа Кропоткин Швейцарию, которую успел полюбить? О его настроениях и ощущениях дают представление строки песни, сочиненной позднее, в 1895 году, другим анархистом, высланным из альпийской страны, – итальянцем Пьетро Гори (1865–1911). В ней повествуется о том, как «странствующие рыцари» покидают «сладкую, благодатную землю»:

Изгнанные без вины,
Анархисты уходят,
Уходят с песней,
С надеждой в сердце.

Это ради вас, эксплуатируемые,
Ради вас, трудящиеся,

Мы скованы,
Наподобие злодеям,

Хотя наша идея –
Это идея любви.
<...> Гельвеция, твое правительство
Делается рабом других,

Оскорбляя традиции
Мужественного народа
И оскорбляя легенду
О твоём Вильгельме Телле[853].

Кропоткин и его товарищи видели в этом изгнании результат давления, прежде всего со стороны Российской империи. В статье о высылке Кропоткина в *Le Révolté* от 3 сентября отмечалось: «Итак, Гельветическая Республика поставила себя на службу имперских полиций; она изгоняет за пределы своих границ человека сердца, которому вменяет в преступления то, что он действовал как революционер в России, говорил как социалист в Англии и высказывался о судьбе капитала и государства в „*Le Révolté*“. Эта высылка вредит не столько нашему другу, сколько жандармам. Конфедерация демонстрирует, что она утратила свою свободу, что она поставила себя в число слуг, готовых на все... Легенда Гельвеции, прощай!»[854] Уже 27 августа в Женеве прошел митинг против изгнания Кропоткина.

* * *

Старинный савойский город Тонон, знаменитый своим средневековым замком, вошел в состав Франции всего лишь лет за двадцать до того, в 1860 году. Находясь в тридцати с лишним километрах от Женевы, на южном берегу ослепительно голубого Женевского озера, которое здесь называют Леман, он расположен в живописной местности: прямо за ним возвышается заснеженный горный массив Шабле и самая большая гора Европейского континента – седой Монблан. Исторический центр города, с узкими улочками, застроен трех-четырёхэтажными зданиями. На окраине еще в XIX столетии возник термальный курорт с ваннами и виллами. Но Кропоткин поселился за городом, в доме мадам Сансо[855]. Ему приходилось быть настороже – друзья сообщили Петру, что на него идет охота. Его приговорила к смерти так называемая Священная дружина – тайная русская монархическая организация, созданная весной 1881 года для борьбы с революционерами в России и за рубежом. Великий сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин называл ее «клубом взволнованных лоботрясов».

Впервые Кропоткина предупредил об опасности Лавров. В августе 1881 года он прислал ему в Лондон записку, а затем, встретившись с Петром Алексеевичем в Париже, рассказал тому о новой секретной организации контрреволюционеров и ее планах. Информация исходила якобы от бывшего министра внутренних дел Лорис-Меликова. Подруга квартирной хозяйки, служившая в семье эмигранта Аркадия Павловича Мальшинского (1840-1899) – как

выяснилось, агента «охранки», – подтвердила, что тот открыто говорил дома о крупной сумме денег, обещанной ему в случае смерти Кропоткина. Сведения о деятельности и намерениях заговорщиков, приславших своих агентов в Женеву, Кропоткин передал местному корреспонденту The Times и уполномочил его напечатать компромат по первой просьбе[856]. В Тононе хозяйка квартиры всякий раз отправляла своего мужа или брата сопровождать Петра Алексеевича, когда тот отправлялся в город, на станцию, чтобы встретить жену, или по другим делам.

* * *

Ближе к концу осени 1881 года, когда Софья Григорьевна сдала экзамены в Женеве, Кропоткины переехали в Лондон, где прожили около года в центральном районе города – Клеркенуэлле. Вначале они поселились в доме № 14 по Ривер-стрит, близ площади Миддлтон-сквер – типичном трехэтажном кирпичном здании застройки 1820-х годов, а затем – в доме № 55 на самой площади.

«Мы кое-как тут устроились и свыкаемся понемногу с Лондоном, – пишет Петр Алексеевич Лаврову, – только свыкание довольно трудно дается, так что Соня все похварывает, преимущественно зубами, которые никак не могут сжиться со здешней сыростью»[857]. Вскоре и сам он начал мучиться от сырости и зубной боли.

Концы с концами сводить по-прежнему трудно. В январе 1882 года ему даже пришлось одолжить у Лаврова на месяц сто франков, признаваясь: «Все мои получки впереди, а пока мы с Соней, несмотря на самую скудную жизнь, сидим совсем без гроша»[858]. Деньги эти он не вернул до 1883 года[859]. Выручают статьи – по географии для Nature и Географического общества и о ситуации в России для Newcastle Chronicle и The Fortnightly Review.

Помимо климата и денежных проблем, Кропоткин страдал от отсутствия возможностей для непосредственной революционной работы – это так контрастировало с положением в Швейцарии, где, несмотря даже на спад движения, он был погружен в лихорадочную жизнь собраний, митингов, издательской работы и агитации. Круг общения Петра Алексеевича оказался весьма ограниченным: заграничный представитель «Народной воли» Лев Гартман (1850–1908), Чайковский, будущие британские анархисты Китц, Лейн и Амброуз Баркер (1859–1953) и немецкие революционные эмигранты. Контактывал Кропоткин и с деятелями, не принадлежавшими к среде анархистов и революционеров: швейцарцем Германом Юнгом (1830–1901), британским социал-демократом Генри Гайндманом (1842–1921). «Когда он пришел к нам домой, – писал о нем Гайндман, – я был сразу же пленен очарованием его манеры и искренней честностью его тона. Его облик показался мне отвечающим моим представлениям о типичном русском: широкое, привлекательное лицо, несмотря на его неправильные черты и нос калмыцкого типа, слегка причесанные длинные волосы, густые борода и усы». Англичанин тщетно пытался убедить собеседника в правильности марксистских идей, но тот остался непоколебим[860].

Гайндман познакомил Петра Алексеевича с Джеймсом Ноулзом (1831–1908), редактором авторитетного научно-популярного журнала Nineteenth Century («Девятнадцатое столетие»), в котором позднее вышли многие известные работы Кропоткина. Это стало началом длительного сотрудничества и дружбы.

«Год, прожитый нами тогда в Лондоне, – вспоминал Кропоткин, – был настоящим годом ссылки. Для сторонника крайних социалистических взглядов не было атмосферы, чтобы жить»[861]. Анархистского движения в стране не было, и даже социал-демократия была крайне немногочисленной. Профсоюзы относились к социализму враждебно. Поэтому агитация, которую Петр Алексеевич вел тогда в Британии, вращалась в основном вокруг ситуации в России. Вместе с Чайковским он поддерживал пропаганду среди рабочих, выступал в радикальных клубах, где собиралось едва ли более десятка человек, помогал в сборе средств в помощь русским революционерам. Летом 1882 года Кропоткин произнес «на ломаном английском языке» речь на ежегодном собрании шахтеров в Дареме. В Ньюкасле, Глазго и Эдинбурге он читал лекции о революционном движении в России, и там его «принимали с большим энтузиазмом. Толпы работников восторженно кричали на улице, после лекции, „ура“ в честь нигилистов»[862].

В декабре 1881 – январе 1882 года Кропоткин переписывался с Верой Засулич и Петром Лавровым, обсуждая организацию сбора средств в пользу «Красного креста Народной воли» – организации, оказывавшей материальную помощь заключенным и ссыльным революционерам в России. В этой переписке Кропоткин ведет себя как настоящий политтехнолог, давая советы своим друзьям. Очень точно зная политические настроения в различных европейских странах, он рекомендовал хотя бы формально отделить политический «Красный крест» от «Народной воли». Эта организация известна в Европе в основном покушениями на императора. Далеко не многие англичане и швейцарцы будут готовы помогать деньгами террористам. «Швейцарское правительство не потерпит сборов для «Народной воли». <...> Во Франции – другое дело, но англичанин не даст ни гроша, если будет думать, что его деньги пойдут на убийство, а это подозрение всегда явится, когда газеты скажут, что это на Кр[асный] крест террористической партии»[863], – писал он Лаврову.

Более того, для каждой страны следует писать отдельное обращение, которое соответствовало бы сложившимся политическим настроениям. Следовало начинать кампанию с публикации объявлений во ВСЕХ газетах, а затем – переходить к лекциям[864]. Но, даже если к его рекомендациям не прислушались бы, Кропоткин был готов помогать русским политзаключенным: «Я со своей стороны, без всяких официальных полномочий, буду работать со всею энергиею для сбора пожертвований»[865].

Сказано – сделано! На своих лекциях в Британии Кропоткин собирал средства в пользу «Красного креста», организованного «Народной волей». Ну и, конечно же, он оказывал информационную поддержку, печатая объявления и статьи о деятельности народовольческого «Красного креста» в различных газетах[866]. Сильно озабоченные этой агитацией, царские власти прислали в Лондон агента, который пытался встретиться с Кропоткиным, но Петр Алексеевич велел сказать ему, что скинет его с лестницы, если тот появится[867].

По воспоминаниям британского социалиста Эрнеста Белфорта Бакса (1854–1926), который летом 1882 года ездил вместе с Кропоткиным из Кройдона в Летерхед в графстве Суррей, анархист уже тогда высказывал идеи преодоления индустриальной централизации производства в будущем обществе, которое он позднее развил в труде «Поля, фабрики и мастерские». Концентрация промышленности, сказал он собеседнику, соответствовала веку пара, но внедрение электричества вызовет обратный процесс, возродив, вопреки мнению марксистов, мелкое и индивидуальное производство[868].

Оторванный от британского рабочего движения с его проблемами, Кропоткин продолжает самым активным образом участвовать в международном анархистском движении. Отслеживавшая деятельность революционеров по всей Европе германская политическая полиция констатировала в январе 1882 года, что «prestиж Кропоткина среди его товарищей, по соответствующим сообщениям, с каждым днем возрастает, и его совету повсюду следуют»[869]. Была предпринята попытка реорганизовать корреспондентское бюро, которое было создано по решению Лондонского конгресса 1881 года. В него избрали Кропоткина, немецкого анархиста Карла Шнайдта (1854–1945) и, в качестве почетного председателя, Малатесту. Бюро направляло эмиссаров в Женеву, Париж, Брюссель и другие города. На проведенном общем собрании его члены отчитались об успешной работе и неплохих денежных сборах, особенно в США. «Самой влиятельной и престижной личностью» в этой ассоциации германская полиция в июне 1882 года назвала «русского князя Кропоткина»[870].

19 марта 1882 года в Лондоне анархистам удалось провести собрание, на которое пришло около двухсот человек. Петр Алексеевич говорил о перспективах революции в мире и снова призывал к созданию тайной организации и самодисциплине[871]. Он не оставлял надежд реорганизовать движение.

В июне Кропоткин направил послание конгрессу Юрской федерации в Лозанне, в котором высказался о причинах неудач предыдущих революций и тактики анархистов. Причины поражения предыдущих революционных попыток, включая Парижскую коммуну, анархист видел в том, что не были предприняты немедленные меры для улучшения положения людей труда, включая экспроприацию средств производства, жилья и продовольствия и справедливое распределение наличных запасов. Что касается тактики, он предостерегал от иллюзии, что можно привлечь больше сторонников с помощью умеренности позиции. Анархист писал: «Мы делаем слишком мало, мы почти возвели бездействие в принцип нашей жизни. <...> То, что нам нужно, – это стихийное действие, проистекающее из рабочего протеста». Конгресс высказался за устную и письменную агитацию, «пропаганду действием», стачки и работу среди крестьян как путь, ведущий к социальной революции. По желанию революционеров из Лиона, Сент-Этьена, Вены и Женевы было решено созвать «тайную встречу» активистов для обсуждения необходимых мер[872].

В Лозаннском конгрессе участвовало около тридцати человек из Женевы, окрестностей и Лиона, включая Элизе Реклю, немецкого анархиста Эмиля Вернера (1845–192?), Черкезова и

редактора лионского анархистского издания Droit social Жозефа Мари Виктора Бонту (1851-?) [873].

13-14 августа 1882 года в Женеве, во время музыкального фестиваля, собрались около пятидесяти представителей анархистского движения из Франции, Юрской федерации и Италии: французы, немцы, швейцарцы, русские... Обсуждался вопрос о размежевании анархистов со всеми другими партиями. Заслушав доклады о положении на местах и росте движения из Лиона, Сета, Марселя, Парижа, Гренобля, Монсо-ле-Мина и различных городов Швейцарии, участники провозгласили: «Долой бога, долой отечество, правительство, буржуа, ведь наш единственный враг – это господа!» В выпущенном манифесте к рабочим Европы говорилось о солидарности со всеми, кто совершает революционные действия доступными средствами, не обращая внимания на законы [874].

Казалось бы, предложения и планы Кропоткина встречают поддержку в анархистском движении. Но... Все это только на бумаге. Бесконечные разговоры, повтор фраз, резолюции. Единственное, до чего удается действительно договориться, было подытожено в следующей фразе: «Мы едины, потому что мы разъединены». В анархистском движении все больше побеждают индивидуализм, дезорганизованность и ориентация на громкие акты, которые призваны разбудить массы. Но массы спят и не собираются просыпаться. А между тем покушения и бомбы все сильнее оттесняют на второй план работу по организации трудящихся и ведение повседневной экономической борьбы. Для анархизма это был тупик...

* * *

Но Кропоткин возлагает надежды на Францию, где с начала 1880-х годов заметен рост анархистского движения, возникают все новые группы, которые обретают влияние среди трудящихся. В этом Петр Алексеевич имел возможность убедиться еще в 1881 году, когда ехал из Тонона в Лондон и выступал с лекциями в Лионе – «столице» французского анархизма, Сент-Этьене и Виенне. Отсутствие перспектив для анархистской работы в Британии и нездоровье, вызванное лондонским климатом, все чаще заставляли подумать о переезде во Францию. «Здоровье мое совсем плохо: лихорадка, желудок не варит...» – жалуется Петр Алексеевич Лаврову [875]. «Я был уверен, что там меня скоро арестуют, но мы часто говорили друг другу: „Лучше французская тюрьма, чем эта могила“», – вспоминал Кропоткин [876].

Французским приверженцам Кропоткина удалось потеснить индивидуалистов – приверженцев полной автономии личности вплоть до роспуска анархистских организаций. Группы в Париже и Южной Франции примкнули к Юрской федерации и Лондонскому бюро [877]. Благодаря его усилиям Юрская федерация распространилась по всему французскому Югу, обзаводясь сторонниками в Лионе, Марселе, Нарбонне, Бордо, Роанне, Ниме и Сент-Этьене. В качестве ее секций действовали Революционная федерация с центром в Лионе и созданная в сентябре 1882 г. «Федерасьон стефануа» (как называли жителей Сент-Этьена). Оттуда, – сообщала германская полиция, – анархизм вновь распространился дальше, в Париж и на Север Франции. «Принципами обеих федераций являются атеизм, коммунизм, анархизм, соответственно, абсолютная автономия индивида;

они провозглашают самую глубокую тайну относительно всех решений и максимальную осторожность при приеме новых членов». В одном лишь Лионе и окрестностях, по этим данным, насчитывалось восемь тысяч сторонников[878].

В Париже в сентябре 1882 г. возникла Интернациональная революционная лига с участием французских и иностранных анархистов. В ее исполнительный орган вошли бывший бланкист Эмиль Дижон (1822–1894), Луиза Мишель и анархистский журналист Годар. Организация выпускала манифесты к «рабам капитала» и солдатам, призывая их к восстанию, и напоминала «буржуа, капиталистам и господам» о приближении часа расплаты. Она созывала митинги, в которых принимали участие также эмигранты: русские, поляки, немцы и итальянцы, – и содействовала проведению рабочих забастовок, включая вызвавшую громкий резонанс стачку сорока тысяч парижских мебельщиков. По инициативе Луизы Мишель была создана Лига революционных женщин...[879]

В августе 1882 года Кропоткины перебираются на лето в курортный морской город Брайтон, осенью ненадолго возвращаются в Лондон, а в октябре они через Париж вновь отправляются в Тонон, на прекрасные берега Женевского озера. Как отмечала германская полиция, Петру Алексеевичу «удалось во время своего сравнительно краткого пребывания во Франции предыдущей осенью и совершенных из Англии турне добиться значительного влияния на французских анархистов. Вместе с Кропоткиным и многие другие нигилисты направились в Париж из страха быть высланными из Швейцарии. Они были очень дружелюбно встречены их французскими единомышленниками и участвуют в их агитации...»[880].

* * *

Растущая популярность Кропоткина и деятельность его товарищей не могли не беспокоить власти. Предлог для расправы с анархистами быстро нашелся – им стали рабочие волнения в Лионе и Монсо-ле-Мине, сопровождавшиеся актами насилия.

Выступления шахтеров вспыхнули летом 1882 года в бургундском городке Монсо-ле-Мине, где под руководством анархистов возникла тайная организация рабочих. Она поставила своей целью борьбу против капиталистов и власти церкви. Фактически речь шла о защите работников от произвола со стороны хозяев, которых энергично поддерживала католическая церковь. Священников обвиняли в том, что они доносят на рабочих владельцам шахт. Подпольщики совершали нападения на церкви, религиозные сооружения, взрывали динамитом и опрокидывали придорожные кресты. 15 августа несколько сотен забастовавших шахтеров взбунтовались, захватили оружейный склад, раздали оружие и бросили бомбу в часовню. Власти ответили многочисленными арестами рабочих, включая руководителей местной палаты профсоюзов. В город был введен пехотный полк, но тайные собрания продолжались. В октябре в Монсо-ле-Мине постоянно гремели динамитные взрывы[881].

В Лионе, где рабочие-текстильщики тяжело страдали от хозяйственного кризиса, кипели митинги, на которых анархисты призывали к социализации фабрик и шахт и добивались

принятия соответствующих резолюций. Доведенные до отчаяния нищетой люди решались на крайние меры: была взорвана бомба в одном из роскошных кафе и у входа в рекрутское присутствие. Власти ответили арестом шестидесяти анархистов – преимущественно рабочих.

С 18 октября по 22 декабря в Риоме шел процесс над двадцатью тремя шахтерами из Монсо-ле-Мина. Правда, доказательств причастности к августовскому бунту найти не удавалось, поэтому приговоры оказались сравнительно мягкими: один из обвиняемых получил пять лет тюрьмы, еще один – три года, два человека – по два года, трое – по одному году, остальных же пришлось оправдать. В Лионе власти судили редакторов анархистских газет *Droit social* и *L'Étendard* Бонту и Клода-Доминика Крестена (1856-?), обвинив их в подстрекательстве к убийствам и поджогам: их приговорили к году тюрьмы и штрафу в две тысячи франков каждого.

* * *

Кропоткин не имел непосредственного отношения к инцидентам в Монсо-ле-Мине и Лионе. Осень и начало зимы 1882 года он жил в Кло-де-Шармий под Тононом, на квартире у той же самой мадам Сансо и работал над статьями по географии и этнографии для *Nature* и других изданий. Его жена училась в Женеве и возвращалась на воскресенье. С ними вместе проживал брат Софьи Григорьевны, Анатолий: тяжело больной туберкулезом, он умер 21 декабря. Сам Кропоткин в Швейцарии опять почувствовал себя лучше: «Мое здоровье совсем поправилось, – сообщал он в письме Лаврову. – Я работаю не менее 7 часов в сутки за письменным столом; я принялся рационально лечиться, то есть каждый день либо вспахиваю наш огород, либо пилю дрова. Мускулы окрепли, удушье и лихорадка прошли, грудь болит очень редко. Соня тоже здорова»[882].

Зато за Кропоткиным неотрывно следили царские шпионы, кружившие вокруг как коршуны. В свою очередь, французская полиция и печать пытались доказать его причастность к взрывам насилия во Франции. Газеты призывали арестовать его, и в его адрес шла волна различных провокационных писем. «Обратили ли вы внимание на кампанию с призывами выслать меня из Франции, поднятую в печати? – писал он Джону Скотту Келти. – Вначале меня пытались примешать к восстанию в Монсо. Когда из этого ничего не вышло, поднялась кампания, чтобы доказать, что я являюсь душой конспираторов (глупая выдумка) в Париже. Теперь утверждают, что я все время езжу в Женеву. В действительности я не покидал Тонон ни на один час. И полиция знает это очень хорошо, поскольку они видят меня каждый день на улицах нашего маленького городка!»[883]

В декабре Кропоткины ощутили первые признаки надвигающихся репрессий: в их доме французские жандармы устроили обыск, а Софью Григорьевну задержали и обыскали, когда она возвращалась из Женевы на поезде. Друзья советовали Петру Алексеевичу бежать, предупреждали об угрозе его выдачи в Россию, но он отказался скрываться. Наконец наутро после смерти шурина Кропоткина неотвратимое свершилось. Арестованного Петра доставили в Лион, где ожидался суд над арестованными анархистами. Этот процесс, по словам самого анархиста, становился «процессом борьбы классов»[884]: власти судили

Интернационал.

Близкие и друзья поддерживали Петра Алексеевича в заключении. Жена, устроив с помощью Элизе Реклю и женевских товарищей похороны брата, навещала арестанта в Лионской тюрьме, хотя их встречи проходили «в клетке за двумя решетками»[885] – в шумном общем зале. Британский редактор Джозеф Коуэн прислал с доверенным представителем денежный залог с тем, чтобы позволить Кропоткину выйти на свободу до суда, но тот не принял это предложение, не желая покидать в беде товарищей по несчастью. Французский журналист Анри Рошфор начал кампанию за освобождение Петра Алексеевича, а известный адвокат Лагер предложил защищать его на суде. Однако Кропоткин и ряд других обвиняемых заявили, что намерены защищаться сами[886].

Лионская тюрьма святого Павла, в которой содержались анархисты во время процесса и первое время после него, считалась образцовой. Узники размещались в камерах-одиночках, а само здание было спланировано так, чтобы было легче подавить возможный бунт. Тюрьма, выстроенная в форме звезды, вспоминал Кропоткин, занимала «огромное пространство, окруженное двойным поясом высоких каменных стен... Пространство между лучами звезды заняты маленькими, вымощенными асфальтом двориками. Если позволяет погода, заключенных выводят сюда на работы. Главное их занятие состоит в приготовлении шелковых оческов. В известные часы в дворики выводили также множество детей, и я часто наблюдал из моего окна эти исхудалые, изможденные, плохо кормленные существа, представлявшие скорее тени детей». Камера, в которой сидел Кропоткин, была размером три на два метра; в ней имелись чистая «железная кровать, небольшой столик и маленький табурет, все наглухо прикрепленные к стенам». Помещения были грязны и изобиловали клопами. «Каждый арестант должен сам чистить свою камеру, то есть он спускается утром на тюремный двор, где выливает и моет свою "парашу", испарениями которой он дышит в продолжении всего дня». Поскольку обвиняемые еще не были осуждены, им оставили право сохранить гражданскую одежду, получать пищу из ресторанов и нанять за деньги камеру большего размера, где Петр Алексеевич продолжал писать статьи для «Британской энциклопедии» и «Всеобщей географии», Nature и журнала Nineteenth Century[887].

Суд в Лионе начался 8 января 1883 года. На скамье подсудимых оказались пятьдесят два анархиста, обвиненных в подстрекательстве к убийствам и поджогам, организации взрыва и принадлежности к Интернационалу, запрещенному во Франции (еще четырнадцать судились заочно). Среди них был «цвет» анархистского движения: Кропоткин, рабочие Жозеф Бернар (1856–1908) и Туссен Борда, Эмиль Готье и другие. Как ни старались свидетель обвинения – начальник лионской тайной полиции и прокурор, доказательств причастности обвиняемых к широкомасштабному заговору, волнениям в Монсо-ле-Мине и взрыву в Лионе представить не удалось. Анархисты защищались великолепно и превратили суд в настоящую трибуну для обличения государства и капитализма. «Этот процесс, во время которого были произнесены воспроизведенные всеми газетами блестящие анархистские речи такими первоклассными ораторами, как рабочий Бернар и Эмиль Готье, и во время которого все обвиняемые держались мужественно и в течение двух недель пропагандировали свое учение, имел громадное влияние, расчистив ложные представления об анархизме во Франции, – свидетельствовал Кропоткин. – Без сомнения, он в известной степени содействовал пробуждению социализма и в других странах... В состязании между

нами и судом выиграли мы. Общественное мнение высказалось в нашу пользу»[888].

Отвечая на вопросы обвинения, Петр Алексеевич держался твердо и бескомпромиссно. Он отказал говорить о своих действиях за пределами Франции, но признал свои анархистские убеждения и участие в издании *Le Révolté*. Выдвинутые против него и его товарищей обвинения он отверг и, наоборот, своими вопросами заставил главу лионской полиции признать, что Интернационала во Франции не существует[889].

В последний день процесса, 19 января, молодой анархист Фредерик Трессо (1861-?) от имени сорока семи обвиняемых зачитал знаменитую декларацию, в которой публично объяснялось, «что такое анархия, кто такие анархисты». Текст был составлен Кропоткиным. Мы – это тысячи трудящихся, которые требуют «абсолютной свободы, ничего, кроме свободы, всей свободы», говорилось в заявлении. Каждый человек имеет право делать то, чего он пожелает, и не делать того, чего он не хочет, – право без всяких искусственных ограничений удовлетворять все свои потребности, считаясь лишь с естественными пределами и потребностями ближних. Эта свобода несовместима, далее, с существованием какой бы то ни было власти человека над человеком, будь она монархической или республиканской. Зло коренится не в той или иной форме правления, но в самом принципе авторитета, и потому анархисты стремятся заменить государственное управление свободным соглашением между людьми. Но свобода, говорилось затем в декларации, невозможна без равенства, поэтому общественный капитал не должен оставаться в руках немногих, в руках частных собственников, – он призван принадлежать всему обществу, всем его членам вместе: «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям». «Мы требуем хлеба для всех, работы для всех, для всех также независимости и справедливости!»[890]

Все дни процесса Софья Григорьевна была рядом с мужем, в зале суда. «Она находится в самом жалком состоянии, – сетовал Петр Алексеевич в письме к Джону Скотту Келти. – Все 12 дней она была на ногах, в удушающей жаре, по шесть часов каждый день, в небольшом пространстве, отведенном для публики, набитом, как бочка селедкой, – и все это только для того, чтобы обменяться со мной несколькими словами во время перерывов в заседании суда. Она побледнела от переживаний и очень исхудала, и я серьезно опасаюсь за ее здоровье. Эти мои страхи – самое худшее, что я ощущаю в одиночной камере... Если бы я был один, я мог бы считать заключение просто арктическим путешествием длиной в 3, 4 или 5 лет и вести себя соответственно»[891].

На суде Петр Алексеевич заявил судьям, что социальная революция близка: возможно, она произойдет в течение последующих пяти или десяти лет. Некоторые из его товарищей сочли это предсказание слишком пессимистическим!

Как бы блестяще ни защищались анархисты, какое бы впечатление ни производили их речи на публику и судей и какими бы беспомощными ни были потуги обвинителей, осуждение было предрешено. Суд вынес свой приговор: шестьдесят один обвиняемый был приговорен к тюремному заключению сроком от шести месяцев до пяти лет. Самые крупные приговоры получили Кропоткин, Готье, Бернар и Борда. Их присудили к пятилетнему заключению, уплате штрафа по тысяче франков, десятилетнему нахождению под надзором полиции и

пятилетнему понижению в гражданских правах. Петр Алексеевич не стал подавать апелляцию.

Сразу же после вынесения приговора во Франции поднялся настоящий вал возмущения. Проводились митинги и демонстрации, в ходе которых ораторы клеймили несправедливость и произвол властей. У дома в Тононе, где жили Кропоткины, манифестанты стреляли в воздух в знак поддержки осужденного. Даже умеренные газеты высказывали им свои симпатии, а оппозиция в парламенте во главе с лидером радикалов и будущим премьер-министром Жоржем Клемансо требовала принятия закона об амнистии. Процесс придал существенный импульс французскому анархизму.

* * *

После вынесения приговора Петр Алексеевич оставался в Лионской тюрьме. «Здоровье мое не очень хорошее, – сообщал он Келти. – Десны совершенно опухли, из-за этого происходят отеки щек, и это вызывает расстройства в желудке. Я жду того времени, когда окажусь в лучших условиях и смогу отвлекаться от тюремной жизни какой-нибудь ручной работой, которая здесь невозможна»[892]. В письмах своему английскому другу и редактору Кропоткин признается, что волнуется лишь о жене и о том, будут ли в тюрьме условия для интеллектуального труда. Интересует его и возможность переписки: «Пишите мне время от времени; в одиночестве заключения я вдвойне радуюсь каждому слову»[893]. К «своей жизни – маленькой частице вселенной» – он относился по-философски спокойно[894].

В Лионской тюрьме у Кропоткина началась цинга, сопровождавшаяся постоянным расстройством желудка[895]. Весьма красноречиво о ее последствиях Кропоткин рассказал Екатерине Брешко-Брешковской в мае 1903 года:

– Почему у тебя ни одного зуба не осталось?

– Это Лионская тюрьма так меня угостила, я там все время болел цингою, жизнь была тяжелая, все страдали...[896]

Потом, уже в Лондоне, он хотел вставить себе челюсть. В первый раз сходил к стоматологу, надел восковые заготовки. Но одна незадача – дочка Саша начала дразнить[897]. Пришлось вернуть дантисту заготовки обратно. И только в 1900 году ему вставили челюсть...

Ну а пока ему пришлось даже отложить работу над научными статьями, дождавшись, пока здоровье улучшится. Но уже в феврале – марте 1883 года Кропоткин отправляет заметки и статьи для журнала Nature[898]. Поскольку обвиняемые уже были осуждены, им разрешали гулять парами. Пригодился Кропоткину и опыт перестукивания «арестантской азбукой», выученный в Петропавловке.

* * *

Софья Григорьевна добивалась перевода мужа в Париж, но власти распорядились иначе. В середине марта двадцать два узника, осужденных более чем на год тюрьмы, были отправлены отбывать приговор в центральный «дом заключения и исправления» в Клерво. Эта тюрьма разместилась в здании бывшего знаменитого средневекового аббатства монахов-цистерцианцев в Шампани, на востоке Франции. Заключенных вывезли в дорогу ночью и везли целый день «в маленьких клетках, на которые обыкновенно разделяются арестантские вагоны»[899]. По прибытии их временно разместили в маленьких, чистых, но очень холодных камерах-одиночках, дали горячую пищу и разрешили купить по полбутылки местного вина. Тюремное начальство было подчеркнуто вежливо с привезенными. На следующий день заключенных перевели в другие комнаты, причем при их выборе были учтены пожелания самого Петра Алексеевича и его товарищей.

Кропоткин считал тюрьму в Клерво «лучшей» в Европе, хотя, разумеется, разделявшей все принципиальные пороки тюремной системы как таковой. Старинное аббатство, окруженное внешней стеной, раскинулось в живописной местности, в окружении фруктовых садов и хлебных полей. В Клерво содержалось в общей сложности тысяча шестьсот заключенных; они занимались изготовлением кроватей, картинных рам, зеркал, обуви, изделий из тканей и перламутра, возделывали пшеницу и овес, выращивали овощи.

Кропоткину и его товарищам отвели четыре комнаты в корпусе, где некогда жил настоятель монастыря, а теперь размещался госпиталь: три крупные и одну поменьше для Петра Алексеевича и Готье. Окна выходили в небольшой сад, и из них открывался красивый вид на окрестности. В этом саду арестанты могли играть в кегли и мяч. Вдоль стены они разбили огород площадью в восемьдесят квадратных метров и выращивали салат, редис и цветы, занимались переплетным делом. Анархисты учили иностранные языки и читали друг другу лекции. Петр Алексеевич вел курсы по космографии, геометрии и физике. Им разрешили носить гражданскую, а не тюремную одежду и курить, покупать у торговцев еду и вино. От принудительных работ их освободили, чтобы не помещать вместе с уголовниками, чье положение было намного тяжелее. Впрочем, с этими последними иногда приходилось сталкиваться и разговаривать в тюремной аптеке, которая располагалась в том же здании, под камерами, обмениваться записками, делиться табаком или передавать просьбу на волю. В свою очередь, анархистам передавали газеты с интересующими их материалами, перебрасывая вместе с завернутым в них камнем[900].

Находясь в Клерво, Кропоткин продолжал активно работать и писать для научных изданий. Французская Академия наук и известный ученый-философ Эрнест Ренан (1823-1892) предоставляли в его распоряжение книги из своих библиотек. Книги «с воли» приходили и от друзей. Было довольно времени и для размышлений о философских и научных основах анархизма. «Лично я не имею никакого основания жаловаться на годы, проведенные мною во французской тюрьме, – вспоминал он позднее. – Для деятельного и независимого человека потеря свободы и деятельности сама по себе уже такое большое лишение, что обо всех остальных тюремных лишениях не стоит и говорить»[901]. Заключенных анархистов мучила нехватка информации о социальных движениях и событиях во Франции, о которых доходили только слухи.

Хотя условия заключения в Клерво были несравнимы с теми, которые Петру Алексеевичу пришлось пережить в русских тюрьмах, его подточенное здоровье вновь испортилось. К концу первого года он снова хворал от цинги, к которой прибавилась малярия из окрестных болот. Софья Григорьевна училась и работала в Париже и собиралась сдавать экзамен на звание доктора естественных наук. Но теперь она переехала в Клерво, поближе к мужу, и поселилась в гостинице. Свидания были разрешены: вначале раз в два месяца и в присутствии надзирателя, а затем и ежедневно, в домике, где помещался караульный пост. Им даже разрешили гулять под наблюдением в саду. Узнику удавалось переписываться с Дюмартере, Келти и Элизе Реклю.

«Конец первого года, в особенности в мрачную зиму, всегда тяжел для заключенного, – писал Петр Алексеевич в воспоминаниях. – И когда наступает весна, больше чем когда-либо чувствуется лишение свободы. Когда я видел из окна камеры, как луга снова покрываются зеленью, а на холмах опять висит весенняя дымка; когда в долине, бывало, промчится поезд, я, конечно, испытывал сильное желанье последовать за ним, подышать лесным воздухом или унести в поток человеческой жизни в большом городе. Но тот, кто связывает свою судьбу с тою или другою крайнею партией, должен быть готов провести годы в тюрьме, и ему не следует на это роптать»[902].

Но даже в тюрьме, имея большие проблемы со здоровьем, он находит добрые слова, чтобы поддержать друзей. Так, в письме Келти Кропоткин искренне огорчается болезни друга, советует ему не сидеть на сквозняке и не переутомляться в работе. «Жаль, что меня нет в Лондоне. Я бы зашел к вам и скрасил ваше одиночество разговорами обо всем на свете»[903].

* * *

А между тем во Франции и за рубежом набирала обороты кампания за освобождение Кропоткина и других приговоренных. Петицию в поддержку Петра Алексеевича с призывом выпустить из заключения выдающегося ученого и дать ему возможность и далее плодотворно трудиться на благо человечества подписали многие видные деятели науки, литературы и искусства. Среди них были пятнадцать профессоров университетов Кембриджа, Лондона, Эдинбурга и Сент-Эндрюса, преподаватели Оксфорда, члены руководства Британского музея и Королевской горной школы, секретарь Британского географического общества, редакторы «Британской энциклопедии» и девяти крупных газет и журналов, а также ряд писателей, юристов и ученых. Под петицией стояли имена поэта и художника Уильяма Морриса (1834–1896), поэтов Алджернона Чарлза Суинберна (1837–1909) и Теодора Уоттс-Дантона (1832–1914), художника-прерафаэлиты Эдварда Бёрн-Джонса (1833–1898), историка Лесли Стивена (1832–1904), естествоиспытателя и путешественника Генри Уолтера Бейтса (1825–1892), юриста и правоведа Фредерика Гаррисона (1831–1923), теолога и бывшего капеллана британской королевы Стопфорда Брука (1832–1916), художника Альфонса Легро (1837–1911), литературно-художественного критика Сидни Колвина (1845–1927), биологов Патрика Геддеса (1854–1932) и Альфреда Рассела Уоллеса (1823–1913), журналистов Джона Морли (1838–1923), Джеймса Рансимена (1852–1891) и Джозефа Коуэна. Эту петицию вручил министру юстиции Франции Виктор

Гюго. Но просьба об освобождении Кропоткина натолкнулась на отказ властей[904].

В США за судьбой Петра Алексеевича внимательно следил его оппонент, один из теоретиков анархического индивидуализма Бенджамин Рикетсон Такер (1854–1939), выступавший за сочетание анархии с частной и кооперативной собственностью на средства производства и рыночными отношениями. Несмотря на довольно острые разногласия, Такер посвятил суду в Лионе весь выпуск своей газеты Liberty от 17 февраля 1883 года. «Анархизм не знает границ»[905], – заявил мистер Такер, пророча «тяжкие беды» в случае осуждения своего оппонента и его единомышленников. А в 1886-м в Liberty появилась история жизни Софьи Кропоткиной под названием «Жена Номера 4327»[906]. Имелся в виду номер, под которым Кропоткин был зарегистрирован в тюрьме Клерво.

Кампания в поддержку заключенных анархистов не утихала. Продолжался шум в британской и французской прессе. Оппозиция радикалов раз за разом ставила в Палате депутатов Франции вопрос об амнистии. Осенью 1885 года президент Жюль Греви попытался успокоить общественное мнение, издав декрет об освобождении всех осужденных в Лионе, кроме троих, включая Кропоткина. Под нажимом Клемансо премьер-министр Шарль Фрейсине признал, что освобождению русского анархиста препятствуют «дипломатические соображения» – иными словами, пожелания царского правительства. Такая зависимость республиканской Франции, воспринимавшей себя как защитницу свободы и демократии, от петербургского самодержавия вызвала еще большее негодование общественности. В итоге президент вынужден был помиловать оставшихся узников и освободить их 15 января 1886 года. На свободу вышла и Луиза Мишель, арестованная в 1883 году после возглавленного ею марша парижских безработных.

В последний момент в Клерво прибыл прокурор, который попытался сразу же вновь взять Кропоткина под стражу за неуплату присужденного ему штрафа. Однако директор тюрьмы не допустил этого и заявил Петру Алексеевичу, что тот совершенно свободен. Кропоткин и его жена смогли отправиться в Париж[907].

* * *

Пребывание в местах заключения республиканской и демократической Франции, которое Кропоткин описал в статьях для Nineteenth Century и позднее в книге «В русских и французских тюрьмах», лишь укрепило в анархисте представления о недопустимости, бесполезности и даже прямом вреде такой меры, как лишение свободы за любые преступления. Тюрьмы никого и никогда не исправляют, доказывал он, это, наоборот, – университеты преступности, содержимые государством.

Заключение не излечивает социальные, психологические и нравственные пороки преступника, но только усиливает и развивает их. Арестантский труд, рабский по своей сущности, учит ненавидеть любую работу. Отсутствие связи с внешним миром усугубляет антисоциальные наклонности. Убийство воли заключенного делает его непригодным для ответственной и свободной жизни. Тюремная атмосфера озлобляет и поощряет презрение к морали. Более того, она отравляет и окружение самой тюрьмы, окрестное население.

Итогом становятся рецидивы и новые преступления. Никакие реформы тюрем, никакие улучшения условий в них не изменят этого положения, утверждал Кропоткин. Оно будет сохраняться, пока существуют сами тюрьмы как таковые.

О приезде в Париж Петр Алексеевич сообщил только Лаврову, Софье Лавровой и Реклю, чтобы избежать крупных манифестаций. До французской столицы они добрались ночью 18 января и поселились у Элизе Реклю. В письме к Келти Кропоткин жаловался на физическую усталость и на недомогание жены[908]. Хотя его официально не высылали из Франции, он намеревался через несколько недель перебраться в Лондон, но ему пришлось задержаться до марта. Опять катастрофически не хватало денег. К счастью, помогли гонорары, полученные за публикацию рассказа Софьи Григорьевны о русских революционерах в газете L'Intransigeant и заметок Петра Алексеевича о своем тюремном опыте в британском журнале Nineteenth Century[909].

За время пребывания в Париже Кропоткин с радостью замечал бурный рост анархистского и социалистического движения. Его восхищала активная агитация Луизы Мишель, ее ежевечерние публичные выступления с лекциями[910]. Кропоткин обсуждал будущее с братьями Реклю и своим новым сторонником и другом, Жаном Гравом (1854–1939). Грав – бывший сапожник, социалист, лишь в 1880-м присоединившийся к анархистам. На первый взгляд в нем не было ничего особенного примечательного. «Это был маленький коренастый человек с массивными плечами и кругленьким животиком, – вспоминал знавший его французский поэт Адольф Ретте. – Его круглая голова совсем седая. Причесанные усы перерезают его жизнерадостное лицо. Желтые глаза из-под густых бровей смотрят очень безобидно»[911]. Но этому «безобидному» работяге вскоре предстояло стать одним из ведущих анархистских пропагандистов и журналистов Франции, пожалуй, лучшим популяризатором либертарных идей в стране. Немного тугодум, лишенный ораторского таланта, зато как он писал!

28 февраля Петр сам прочитал в Париже лекцию об анархизме: послушать его пришли две тысячи человек[912]. Правая пресса снова стала призывать к расправе над ним или изгнанию. Не дожидаясь репрессий, Кропоткины в начале марта наконец уехали в Лондон.

«Мы предпочитаем иметь двери Франции всегда открытыми, чтобы всякий раз входить в них, когда это понадобится, нежели быть высланными навсегда за одно резкое слово, произнесенное на публичном собрании... – писал Кропоткин Герцигу и Дюмартре. – Меня зовут в Лондон, чтобы создать там анархистскую газету. Средства там есть, и я примусь за это с жаром»[913].

Покидая столицу Франции, Петр Алексеевич еще не знал, что этот отъезд означает начало нового этапа в его жизни и судьбе. Беспокойные скитания «странствующего рыцаря» анархии оставались в прошлом. Отныне ему на тридцать с лишним лет предстояло обрести дом на берегах Туманного Альбиона...

Версия #3

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 13 июля 2025 15:50:00

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 13 июля 2025 15:53:19